

Глава IV

ЗНАМЕНИТЫЕ ОСАДЫ

ОСАДА ПЛАТЕИ (429—427 гг. до н.э.)

В 429 г. до н. э. во время Пелопоннесской войны спартанцы осадили старинного союзника Афин, Платею. Это была первая серьезная осада, проводимая греками с применением осадной техники. До сих пор для взятия вражеского города греки прибегали только к пассивной блокаде. Однако и на сей раз, несмотря на активные действия спартанцев, Платея пала только в результате последующей блокады. Фукидид дает столь живое описание этой осады [Фукидид, 2, 75—78], что я привожу его в оригинале с минимальными комментариями:

«Призвав таким образом богов, Архидам приказал воинам открыть военные действия. Прежде всего, он велел оградить город частоколом из срубленных деревьев, для того чтобы никто не мог выйти из города. Затем воины стали подводить к городу насыпь. А так как работы производило столь многочисленное войско, то была надежда в скором времени овладеть городом. По обеим сторонам насыпи воины соорудили нечто вроде тына из крестообразно скрепленных жердей, нарубленных на Кифероне, чтобы земля не осыпалась. Сверху на насыпь навалили хворост, камни, землю и все, что попадалось подходящего. Семьдесят дней и ночей подряд лакедемоняне возводили

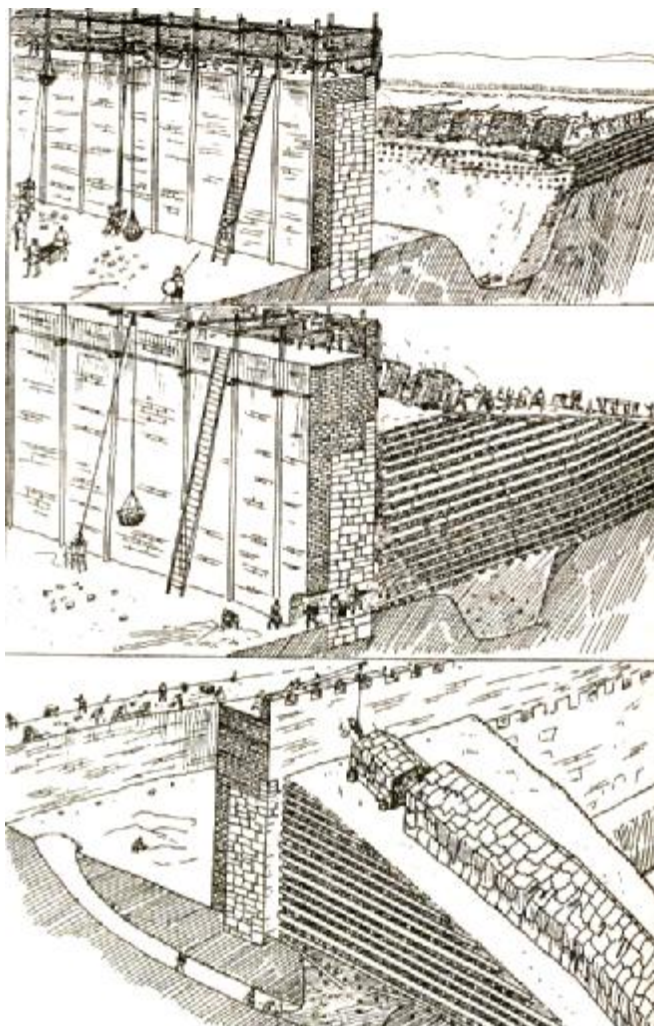

Рис. 173. Осадные операции у стен Платеи:

1 — спартанцы строят насыпь, а платейцы наращивают стену; 2 — платейцы проделывают отверстие в стене и через него начинают носить землю, из которой строится насыпь, в город; 3 — спартанцы заваливают отверстие в стене, но тогда платейцы роют подземный ход и начинают выносить землю с низу насыпи; одновременно они строят вторую полукруглую стену позади первой

насыпь, посменно работая и отдыхая, так что, пока одни воины работали, другие спали или обедали. Лакедемонские начальники, стоявшие вместе с командирами отрядов отдельных союзных городов, заставляли воинов работать. Когда же платейцы увидели, что насыпь поднимается все выше, они сколотили деревянный помост, установили его на стене в том месте, против которого возвышалась насыпь, и выложили кирпичом из разрушенных соседних домов [то есть нарастили стену сначала деревянной загородкой, а затем внутри нее возвели кирпичную стену]. Стены помоста были связаны деревянными балками, чтобы придать прочность сооружению, когда оно поднимется доверху. Для защиты от зажигательных стрел это деревянное сооружение с людьми, в нем находившимися, было покрыто полотнищами из звериных шкур и кож. Башня поднималась на значительную высоту, и столь же быстро росла насыпь напротив. Тогда платейцы выдумали следующую хитрость: они проделали отверстие в том месте стены, где к ней примыкала насыпь, и стали через это отверстие выносить землю с насыпи в город.

Заметив это, пелопоннесцы стали набивать глину в камышовые плетенки и сбрасывать в выемы насыпи, для того чтобы сбитую в плетенках глину нельзя было выносить как землю. Встретив здесь преграду, платейцы прекратили работы, но зато прорыли подземный ход из города. Удостоверившись затем, что находятся под насыпью, тотчас стали выкапывать землю и выносить в город. Враги, находившиеся наверху, долгое время ничего не замечали. Несмотря на то что пелопоннесцы старательно насыпали землю, работа не подвигалась: по мере того как осажденные подкапывали насыпь, холм постоянно оседал в образовавшуюся от выемки земли яму. Платейцы, однако, опасались, что при их немногочисленности они не смогут долго состязаться со множеством врагов, и придумали поэтому еще одну хитрость. На большой башне против насыпи они прекратили работы. С обеих сторон башни (где кончалась одна стена и начиналась другая) они стали пристраивать к более низкой стене с внутренней стороны вторую стену в виде полумесяца, чтобы в случае захвата врагами большой стены можно было укрыться за этой

стеной (тогда неприятелю пришлось бы возводить напротив нее новую насыпь и при дальнейшем продвижении внутрь полукруга новой стены проделать двойную работу; кроме того, неприятель вообще оказался бы теперь в более неблагоприятном положении из-за обстрела со всех сторон, чем при захвате первой стены). Между тем, возведя насыпь, пелопоннесцы одновременно придвинули к городу осадные машины. Один из таранов, поставленный против большой башни вдоль насыпи, так сильно потряс большую часть башни, что платейцев охватил страх. Вместе с тем были приставлены тараны и к другим частям стены. Платейцы, однако, накидывая на тараны петли из канатов, ухитрились подтянуть их кверху и таким образом обезвредить. Кроме того, они привесили громадные бревна (которые были прикреплены за оба конца на длинных железных цепях к двум балкам на стене), выступающие над стеной, и тянули их вверх. Всякий раз в ожидании удара тарана в каком-нибудь месте стены платейцы, ослабляя цепь, опускали бревно. Бревно, стремительно падая вниз, отламывало выступ тарана.

После того как тараны оказались бесполезными, а против насыпи осажденные стали возводить контрукрепление [то есть наращивать стену и возводить вторую внутри города], пелопоннесцы поняли, что им не взять Платею наличными средствами, и стали готовить возведение стены вокруг города. Однако сначала они решили попробовать, нельзя ли при благоприятном ветре поджечь город, который был невелик. И вообще враги выискивали всяческие способы как-нибудь захватить город без больших затрат и правильной осады. Для этого они приносили хворост и сбрасывали с насыпи сначала в промежуток между стеной и валом, а затем, быстро наполнив его (так как работало много людей), и в самый город, насколько далеко можно было сбросить с высоты. Затем, смешав хворост с серой и смолой, подожгли. Поднялось такое пламя, какого никогда еще до той поры не создавали человеческие руки. Только в горах иногда вследствие самовозгорания сухостоя от ветра и взаимного трения возникают такие лесные пожары. Этот страшный пожар чуть было не погубил платейцев, счастливо избегнув-

ших всех прочих опасностей. Действительно, в большей части города из-за сильного ветра было невозможно приблизиться к огню, и если бы ветер подул в сторону города (на что и рассчитывали неприятели), то платейцам не было бы спасения. Но тут, по рассказам, к счастью, произошло вот что: сильный ливень с грозой потушил пожар, и таким образом опасность миновала.

После неудачи и этой попытки взять город пелопоннесцы распустили большую часть своего войска, оставив под Платеей лишь небольшой отряд, и начали возведение стены вокруг города, распределив отдельные участки между

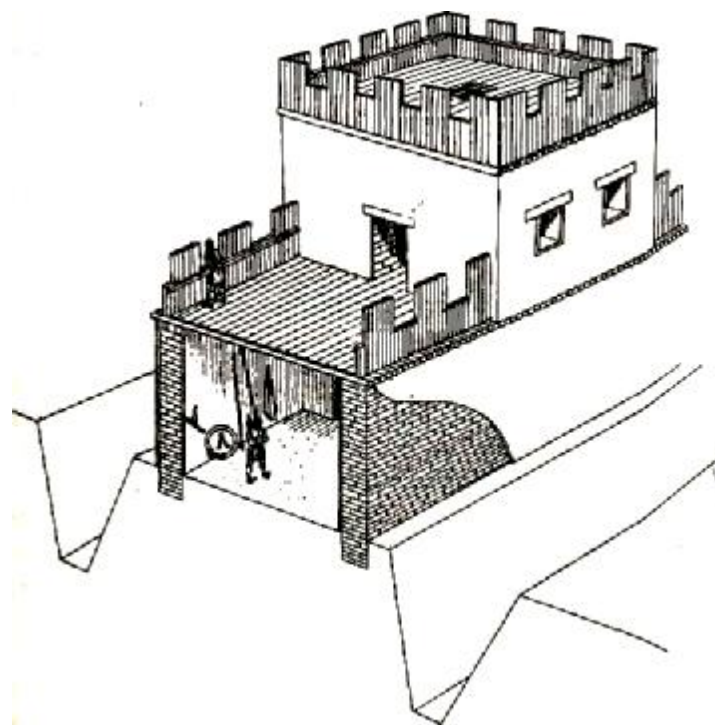

Рис. 174. Стена, возведенная спартанцами вокруг Платеи. Она состояла из двух кирпичных стен, перекрытых крышей. Наверху была площадка для часовых, а внизу жили осаждающие. Через каждые 15 м были построены двухэтажные башни

союзными государствами. По обеим сторонам вала вырыли ров, откуда добывали глину для кирпичей. Когда вся стена была готова, пелопоннесцы возвратились около восхода Арктура домой и разошлись по городам, оставив охрану на одной половине стены (другую половину охраняли беотийцы). Платейцы уже раньше отправили в Афины жен, детей, стариков и инвалидов. Оставалось же в городе во время осады всего 480 платейцев, 300 афинян и ПО женщин, приготавливавших пищу. Столько всего было людей в городе в начале осады, а кроме этого, там не было ни рабов, ни свободных. Таково было положение осажденной Платеи».

Итак, большинство платейцев покинуло город еще до начала осады. В городе остался только гарнизон из 480 воинов, а также 110 женщин, которые готовили пищу. Осажденные держались около двух лет. В последние месяцы осады половине гарнизона удалось темной дождливой ночью пробиться через заставы спартанцев и уйти. Оставшиеся держались, надеясь, что афиняне их выручат. Наконец под угрозой голодной смерти они сдались.

ОСАДА ТИРА (332 г. до н.э.)

ОСАДА Тира — это самая значительная осадная операция, предпринятая Александром Македонским. Финикийский город Тир (рис. 175) располагался на небольшом острове и был окружен мощными стенами по всему побережью острова, что не оставляло возможности вести осадные операции на суше. Поэтому Александр, осадив Тир, столкнулся с теми же проблемами, что стояли перед Дионисием I при осаде Мотии более чем за полвека до этого. Осада изобилует множеством приемов осадной войны, причем некоторые из них используются здесь впервые (раскаленный песок, колеса, отбивающие стрелы, тараны, поставленные на корабли). Это также первая осада с применением большого количества не только стрелометов, но и камнеметов.

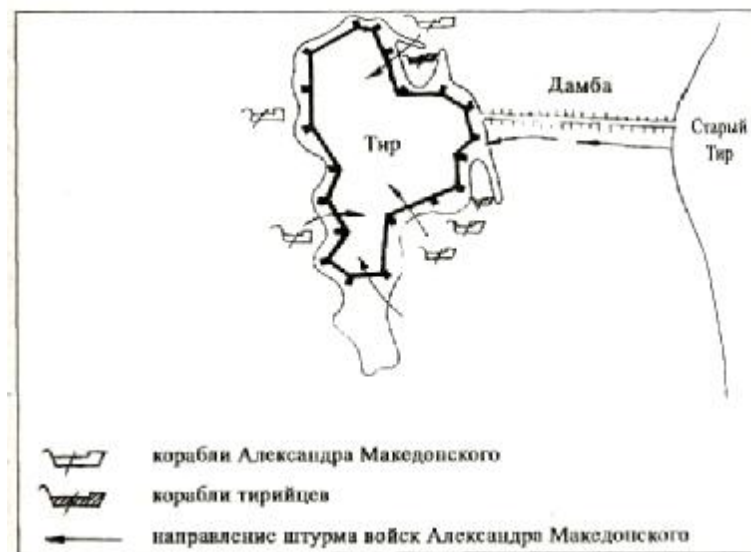

Рис. 175. Осада города Тира Александром Македонским, 332 г. до н.э.

Осада Тира описана Диодором [Диодор, XVII, 40—46], Аррианом [Арриан, I, 15—24] и Квинтом Курцием Руфом [Квинт Курций Руф, IV, 2—4]. Все описания несколько отличаются одно от другого. За основу нижеследующего текста взято изложение событий Диодором и Аррианом, дополненное небольшими цитатами из Курция Руфа и моими комментариями.

«Уже вся Сирия, а также Финикия, за исключением города Тира, были под властью македонца; царь стоял лагерь на материке, от которого город Тир отделен узким проливом. Тир, выдающийся своими размерами и славой среди всех городов Сирии и Финикии, казалось, охотнее вступил бы с Александром в союз, чем признал бы его власть; поэтому послы города принесли ему в подарок золотой венок, а раньше щедро и гостеприимно снабдили его продовольствием из города. Царь приказал принять от них дары как от друзей и, благосклонно обратившись к ним, сказал, что хочет принести жертву Геркулесу, особенно почитаемому тирийцами; цари македонские, мол, верят, что ведут свой род от этого бога, а ему самому оракулом

предписано исполнить это. Послы отвечают ему, что есть храм Геркулеса за чертой города, на месте, называемом Палетир, там царь сможет принести жертву богу по установленному обряду. Тут Александр не сдержал гнева, с которым и обычно не мог совладать. „Так вы, — воскликнул он, — полагаясь на то, что занимаете остров, презираете наше сухопутное войско? Но я скоро покажу вам, что вы живете на материке! Знайте же: или вы впустите меня в город, или я возьму его силой". С этими словами он отпустил послов. Друзья стали уговаривать тирийцев, чтобы они сами предоставили свободный доступ в город царю, которого приняли и Сирия и Финикия. Но они, достаточно полагаясь на неприступность места, решили выдержать осаду» [Квинт Курций Руф, IV, 2, 1—6].

«Царь, видя, что с моря город не взять, так как он обведен стенами и располагает флотом, а с суши к нему не подобраться, потому что его от материка отделяют 4 стадии [около 750 м], все же решил идти на все опасности и труды, чтобы не оказаться македонскому войску в пренебрежении у какого-то единственного города. Он разрушил так называемый старый Тир, привез множество камня и сделал насыпь шириной в 2 плетра [около 60 м]. На эту работу взяты были жители всех соседних городов, и благодаря множеству рабочих рук закончена она была быстро.

Тирийцы сначала, подплывая к насыпи, посмеивались над царем и спрашивали, не считает ли он себя сильнее Посейдона. Насыпь, однако, вопреки ожиданию, росла и росла, и тогда они постановили: отвезти детей, женщин и стариков в Карфаген, мужчин в цвете сил поставили на защиту стен и быстро подготовили флот: имелось у них 80 триер. Часть детей и женщин они успели поместить у карфагенян, но многие остались; для морского боя сил не хватало, и всем народом вынуждены они были выдерживать осаду. Было у них огромное количество катапульт и других полезных при осаде машин; им легко было изготовить еще больше новых, так как в Тире жило множество разных ремесленников. Этими машинами, из которых многие были изобретены внове, уставили кругом все городские стены, и особенно то место, где насыпь подходила к стене. Когда македонцы дотянули свою работу до того

места, куда могла долететь стрела, боги послали некое знамение воюющим. Волной с моря прибило к этому сооружению кита невероятной величины; наткнувшись на насыпь, он не причинил ей никакого вреда и долго пролежал, уместив на ней часть своего туловища. Люди при виде этого дива были охвачены ужасом, а чудовище опять уплыло в море, повергнув обе стороны в суеверный страх. Те и другие, толкуя знамение в свою пользу, увидели в нем указание на будущую помощь от Посейдона. Случались и другие необычайные знамения, способные внушить толпе смятение и ужас. Так, хлеб, разломанный македонцами себе в еду, оказался на вид окровавленным. Кто-то видел во сне, будто Аполлон сказал, что собирается покинуть город. Народ заподозрил, что этот рассказ вымыслен в угоду Александру, и молодежь уже готовилась побить камнями этого человека; архонты укрыли его, он бежал в храм Геракла и как умоляющий спасся от наказания. Тирийцы в страхе приковали золотыми цепями статую Аполлона к пьедесталу, думая тем самым помешать богу покинуть город.

Тирийцы, встревоженные ростом насыпи, нагрузили множество мелких суденышек катапультами и стрелами и посадили на них лучников и пращников; подплыв к работавшим на насыпи, они многих ранили и немало людей убили. Ни одна из стрел или дротиков, летевших в густую безоружную толпу не пропадала даром, люди стояли на виду и ничем прикрыты не были. Стрелы ранили не только спереди, но пробивали насквозь тела тех, кто на этой узкой насыпи стоял лицом к врагу: невозможно было отбиться от врага, наседавшего с обеих сторон. Александр, желая стремительно оказать помощь в этом непредвиденном несчастье, снарядил все свои корабли и, сам предводительствуя ими, поспешно отплыл к тирийской гавани, чтобы отрезать финикийцам отступление. Варвары, боясь, как бы он, захватив гавань, не овладел городом, в котором не осталось солдат, поспешно поплыли к Тиру. Обе стороны усердно работали веслами; македонцы уже приближались к гавани, когда финикийцы, едва избежав гибели, бросив отставшие суда, приложили все силы и проскользнули в город» [Диодор, XVII, 40, 4—XVII, 42, 4].

«Македонцы поставили на насыпи, которая далеко уже вдавалась у них в море, две башни и установили на этих башнях машины, прикрыв их кожаными чехлами и шкурами в защиту от зажженных стрел, которые метали со стен тирийцы. Башни эти должны были защищать от обстрела работавших. Рассчитывали также, что они легко смогут отбросить тирийцев, которые подплывут, чтобы напасть на тех, кто делает насыпь, забросав их стрелами с этих башен.

Тирийцы в ответ на это придумали следующее: они взяли судно, на котором перевозят лошадей, нагрузили его сухим хворостом и всяким горючим материалом, поставили на носу две мачты и обвели их загородкой, захватив столько места, сколько было возможно; в эти загородки они наложили соломы и много-много факелов. Кроме того, они положили еще смолы, серы и вообще всего, что способствовало бы большому пожару. К обеим мачтам они прикрепили по две реи, а на них повесили котлы, содержимое которых, вылившись, должно было еще усилить пламя. На корме они поместили балласт, чтобы она осела под его тяжестью, отчего нос поднялся бы кверху. Затем они выждали, когда ветер задует в сторону насыпи, и, привязав это судно к своим триерам, повели его на буксире. Приблизившись к насыпи и башням, они подожгли горючий материал и, подтягивая в то же время триерами как можно быстрее судно, пустили его к краю насыпи. Люди, находившиеся на уже горящем судне, легко спаслись вплавь. В ту же минуту огромное пламя перекинулось на башни; реи обломились, и в огонь вылилось все, что было заготовлено для его поддержания. Триеры стали на якорь неподалеку от насыпи; с них начали пускать стрелы в башни, и к ним стало опасно подходить тем, кто был занят тушением пожара. И когда башни были уже охвачены огнем, из города выбежала толпа людей; они сели в челноки и, приставая в разных местах к насыпи, без труда повыдергали колья, укреплявшие с боков насыпь, и подожгли все машины, которых не охватил еще огонь с судна» [Арриан, II, 18, 6—II, 19, 5].

Диодор, в отличие от Арриана, не упоминает о брандере и винит в разрушении насыпи сильный северный ве-

тер. Квинт Курций Руф говорит как о брандере, так и о налетевшем после пожара насыпи сильном шторме, который довершил разрушения. Учитывая, что эти авторы использовали разные источники, можно предположить, что в действительности имело место и то, и другое.

Александр уже было совсем отчаялся, но тут ему улыбнулась удача: к нему подошел флот из 223 кораблей, в основном финикийских и кипрских. Теперь Александр контролировал море.

«Недалеко от города корабли Александра остановились в открытом море, как бы вызывая тирийцев на сражение; а затем, когда никто не вышел против них, пошли в строю под громкий плеск весел. Видя все это, тирийцы отказались от морского боя; они сгрудили у входа в свои гавани столько судов, сколько их могло там вместиться, и заперли ими эти входы, чтобы туда не устремился неприятельский флот.

Александр подплывал к городу; тирийцы никакого сопротивления не оказывали. Он решил не брать гавани, обращенной в сторону Сидона, видя, что вход туда узок, а кроме того, забит множеством триер, обращенных к нему носами. На три триеры, стоявшие далеко от входа в гавань, напали финикийцы и потопили их, пробив носами. Экипаж этих триер легко спасся, добравшись вплавь на родной берег. Флот Александра пристал недалеко от воздвигнутой насыпи, в месте, защищенном от ветра. На следующий день он приказал, чтобы кипрский флот с навархом Андромахом во главе блокировал гавань, обращенную в сторону Сидона, а финикийцы — находившуюся по ту сторону насыпи и обращенную к Египту. Здесь же была и его палатка.

Из Кипра и со всей Финикии собралось к нему множество машиностроителей, которые собрали много машин. Одни из этих машин стояли на насыпи, другие на судах для перевозки лошадей (суда эти Александр привел с собой из Сидона), третьи на тех триерах, которые не отличались быстроходностью. Когда все было готово, он подвел машины по сделанной насыпи; корабли же с машинами стали на якорь у стен с разных сторон, пытаясь их пробить [машинами, расположенными на кораблях, были тараны].

Тирийцы поставили на выступах стен со стороны насыпи деревянные башни, чтобы с них отбивать врага. Куда бы ни подводили машины, они их всюду обстреливали и метали стрелы с огнем в самые корабли, так что македонцам стало страшно приближаться к стенам. Стены у них со стороны насыпи были высотой чуть не 150 футов [около 45 м] и соответствующей ширины, из больших камней, сплоченных известью. Македонским грузовым судам и триерам, подвозившим машины к стене, тут было неудобно подходить к городу, потому что камни, во множестве сброшенные в море, мешали нападению с близкого расстояния. Александр решил вытащить их из моря. Дело это было трудное, потому что приходилось действовать с судов, а не с твердой земли. Кроме того, тирийские корабли с защитными стенками повели охоту за якорями на триерах: они подрезали якорные канаты и пристать вражеским кораблям оказывалось невозможно. Александр снабдил ряд тридцативесельных судов такими же стенками и поставил их в косую линию перед якорями, чтобы отгонять приближающиеся корабли. И тут, однако, водолазы продолжали подрезать канаты. Македонцы стали спускать якоря не на канатах, а на цепях: тут уж водолазы ничего не могли поделать. Забрасывая с насыпи петли, македонцы извлекли камни из моря, затем машинами подняли их и сбросили в открытое море, где от них не было уже никакого вреда. Когда заграждение перед стеной было таким образом уничтожено, корабли свободно подплыли к стене.

Тирийцы, оказавшись в безвыходном положении, решили напасть на кипрские корабли, которые стояли у гавани, обращенной к Сидону. Задолго до этого они завесили вход в гавань полотнищами, чтобы скрыть таким образом посадку экипажа на триеры, и около полудня, когда моряки разбредались по неотложным делам, а Александр с эскадры, стоявшей по другую сторону города, обычно уходил в свою палатку, выступили на трех пентерах, стольких же тетрерах и семи триерах. Экипаж состоял из самых опытных гребцов и солдат, которые должны были сражаться на палубах; солдаты эти были прекрасно вооружены и испытаны в морских боях. Сначала суда тихонь-

ко шли на веслах, корабль за кораблем; начальники гребцов пребывали в молчанье. Когда же они повернули к киприотам и были уже почти на виду, они устремились на них с громким криком, ободряя друг друга и согласно в такт ударяя веслами.

Случилось в тот день, что Александр, вопреки обыкновению, не задержался у себя в палатке и вскоре возвратился к кораблям. Тирийцы, неожиданно напав на корабли, стоявшие на причале, обнаружили, что на одних людей совсем нет; на другие кое-как, уже под их крик и при их натиске, садились те, кто оказался налицо. Пентеру царя Пнигагора они сразу же при первой стычке пустили ко дну, так же как и триеры Андрокла амафусийца и Пасикрата фурийца. Остальные суда они прижали к берегу и сильно их повредили.

Александр, увидев, что выплыли тирские триеры, приказал большинству своих кораблей, по мере того как матросы всходили на них, остановиться у входа в гавань, чтобы из нее не вышли и другие тирские корабли. Сам же он, взяв свои пентеры и самое большее 5 триер, на которые уже спешно сел экипаж, поплыл вокруг города на вышедших из гавани тирийцев. Люди, стоявшие на стенах, увидя идущие вражеские суда и самого Александра на них, стали кричать экипажам своих судов, чтобы они возвращались обратно. В шуме схватки их не было слышно, и тирийцы стали подавать знаки за знаками к отступлению. На судах заметили приближение Александра поздно и, повернув, кинулись в гавань. Убежать удалось немногим; большинству пришлось принять бой; часть неприятельских судов Александр привел в негодность; одна пентера и тетрера были захвачены у самого входа в гавань. Людей перебили мало: видя, что суда захвачены, они без труда добрались вплавь до гавани.

Так как теперь от флота тирийцам не было никакой пользы, то македонцы смогли подвести машины к самым стенам. Машины, стоявшие на насыпи, не нанесли стене никаких значительных повреждений: так она была крепка. Подвели некоторые суда с машинами и с той стороны города, которая была обращена к Сидону. Когда и здесь ничего не добились, Александр, продолжая всюду свои

попытки, перешел к южной стене, обращенной в сторону Египта. Здесь наконец стену на значительном пространстве расшатали; часть ее обломалась и рухнула. Там, где она обрушилась, навели, как было возможно, мостки и в течение короткого времени пытались идти на приступ; тирийцы, однако, легко отбросили македонцев» [Арриан, II, 20, 8—II, 22].

Прекрасное описание того, сколь «легко отбросили македонцев тирийцы», дает Диодор:

«У тирийцев были мастера морского дела и строители машин, которые придумали искусные средства обороны. Для защиты от стрел с катапульт они изготовили колеса с частыми спицами; их вращали с помощью какого-то механизма, и стрелы, попав в такое колесо, или ломались, или отлетали в сторону и причинить вред уже не могли. Камни, летевшие из камнеметов, ударялись о сооружение из мягкого, упругого материала, который ослаблял силу, сообщаемую машиной. Царь, пока шел штурм с насыпи, обходил город со всем флотом* осматривая стены: было ясно, что он намерен брать город и с суши, и с моря. Тирийцы не осмеливались сразиться с этим флотом, но три корабля вышли из гавани; царь подошел к ним, уничтожил их и вернулся в свой лагерь. Тирийцы, желая удвоить свою оборонную линию, поставили новую стену, отступая на 5 локтей от старой. Шириной она была в 10 локтей; проход между обеими стенами они завалили камнями и землей. Александр, связав между собой триеры и поставив на них разные машины, разрушил стену почти на один плетр [30,8 м]. Воины ворвались через пролом в город. Тирийцы засыпали их стрелами, едва прогнали и с наступлением ночи поправили обвалившуюся часть стены. Между тем насыпь вплотную подошла к стене; город оказался на полуострове, и у стен начались жестокие бои. Осажденные, ясно представляя себе ужас своего положения и обдумывая несчастья, которые ожидают их, если город будет взят, шли в бой с полным презрением к смерти. Македонцы возвели башни, равные по высоте стенам, перекинули с них мостки и смело вошли на брустверы, но тирийские мастера придумали средство для обороны стен. Выковав большие трезубцы с крючьями на концах, они

рукой метали их в солдат, стоявших на башнях. Когда трезубец вонзался в щит, то, ухватившись за веревки, которые были привязаны к трезубцу, тирийцы тащили вражеского воина. Приходилось или бросать щит и подставлять ничем не прикрытое тело под град летящих стрел, или же, не выпуская из чувства чести щита, падать с высокой башни и разбиваться. Другие набрасывали на воинов, бившихся на мостиках, рыбацьи сети и, опутав им таким образом руки, притягивали их и сбрасывали с мостков на землю.

Изобретен был еще хитрый способ сломить мужество македонцев и подвергнуть самых храбрых воинов мучениям, которые нельзя было облегчить. Изготовлены были медные и железные щиты; в них насыпали песку и долго нагревали на сильном огне, так что песок накаливался. С помощью какого-то механизма они бросали этим песком в тех, кто сражался всех мужественнее, и подвергали свои жертвы жесточайшим страданиям. Песок проникал через панцирь в рубаху, жег тело, и помочь тут было нечем. Поэтому возле страдальцев, моливших о помощи, не было никого, чтобы облегчить их муки, и они кончались, впадая в неистовство от страшной боли, в страданиях жалостных и неутолимых. Финикийцы одновременно бросали факелы, дротики и камни; мужество осаждавших ослабевало под градом стрел; серпы на подъемных кранах подрезали канаты таранов и делали их бесполезными; огнеметы швыряли огромные куски раскаленного железа в противника, попадая без промаха, так как люди стояли густой толпой; „воронами" и железными крючьями стаскивали стоявших на бойницах. Так как людей было много, то все машины сразу пускали в действие и штурмующие гибли в большом числе.

Несмотря на весь этот невыразимый ужас и неодолимое упорство сопротивления, македонцы не теряли мужества: они шагали через падавших, и чужие страдания не служили для них уроком. Александр поставил камнеметы и бил в стены огромными камнями; катапульты сыпали с деревянных башен всяким метательным оружием, нанося страшные раны стоявшим на стенах. Тирийцы придумали защиту от них: по краю стен были поставлены мраморные колеса, которые, вращаясь с помощью каких-

то механизмов, ломали стрелы, пущенные из катапульт, они отбивали их в сторону, уничтожая их пробивную силу. Кроме того, они сшивали кожаные и меховые мешки, набивали их водорослями и подставляли их под камни из камней. Мягкий и упругий материал лишал удар его силы. Вообще тирийцы защищались всеми способами и, обладая обилием средств обороны, мужественно сопротивлялись врагу. Они спускались со стен, оставляли свои посты внутри башен и бились с врагом на самих мостках, противопоставляя храбрости врагов собственную доблесть. Окруженные врагами, схватываясь с ними врукопашную, они отчаянно сражались за отечество; случалось, что топором отсекали противнику часть тела, пришедшую под удар» [Диодор, XVII, 43—XVII, 45].

«Три дня спустя, выждав безветренную погоду, Александр, призывая к бою начальников пехоты, подвел к городу машины на кораблях. Сначала расшатывали значительную часть стены; когда пролом оказался достаточно широким, Александр велел судам с машинами отплыть и подойти двум другим, которые везли мостки: он рассчитывал перебросить их в пролом стены. На одном из этих кораблей находились щитоносцы [гипасписты] под командой Адмета, а на другом полк Кена: так называемые „пешие друзья“. Сам он собирался вместе со щитоносцами взойти где понадобится на стену. Триерам он отдал приказ: одним плыть к обеим гаваням на тот случай, если тирийцы вздумают повернуть на них и пробиться тут силой; тем же, на которых находились снаряды для машин и которые везли на палубах лучников, он приказал плавать вокруг стен, причаливать в удобных местах, а пока причалить негде, то становиться на якорь вне досягаемости для стрел, чтобы тирийцы, поражаемые отовсюду, не могли понять, что им делать среди этого страха.

Когда корабли с Александром подошли к городу и мостки с них перебросили к стене, щитоносцы бодро устремились по ним на стену. Адмет проявил тут большое мужество; Александр шел вслед за солдатами, сам принимая живое участие в деле и в то же время наблюдая, кто отличился в бою блистательной отвагой. Сначала стена была взята в том месте, где распоряжался Александр; он

без труда отбросил тирийцев, как только македонцы перешли мостки и стали твердой ногой на земле; Адмет первым взойшел на стену; зовя своих вслед за собой, он тут же пал, пораженный копьем, но Александр, идя за ним, вместе с „друзьями“ овладел стеной. И так как теперь в его власти были уцелевшие башни и куртины, то он прямо по стенам отправился к царскому дворцу, потому что оттуда всего удобнее было спуститься в город.

Финикийцы, стоявшие со своими судами у гавани, обращенной в сторону Египта, ворвались в нее, разнеся цепи, которыми она была заперта, и нанесли тяжелые повреждения тирийским кораблям, там стоявшим; на других напали в открытом море; некоторых прижали к берегу. Киприоты вошли в другую гавань со стороны Сидона, которая не была заперта цепями, и сразу овладели в этом месте городом. Многие тирийцы, видя, что стена захвачена, оставили ее и, собравшись в так называемом Агенории, отсюда ударили на македонцев. Александр пошел на них со щитоносцами; сражавшиеся были перебиты; за бежавшими началась погоня. Началась страшная бойня: город был уже захвачен не только со стороны гавани, но в него проник и полк Кена. Македонцы бушевали: их измучила длительная осада, и они не забыли, как тирийцы, захватив их земляков, ехавших из Сидона, поставили их на стене; на глазах всего лагеря закололи и бросили в море. Тирийцев погибло около 8000; из македонцев пали во время приступа: Адмет, мужественный человек, первым взойшедший на стену, и с ним 20 щитоносцев, а за всю осаду около 400 человек.

Тех, кто бежал в храм Геракла (тут были главные правители Тира, царь Адземилк и некоторые богомольцы из Карфагена, пришедшие по древнему обычаю в метрополию поклониться Гераклу), Александр помиловал; остальных обратил в рабство. Продано было тирийцев и чужеземцев, захваченных в Тире, до 30 000. Александр принес жертву Гераклу и устроил в его честь процессию, в которой принимало участие войско в полном вооружении; корабли следовали за процессией в честь Геракла. Александр установил на священном участке гимнастические состязания и бег с факелами. Машину, которая пробила

стену, он принес в дар храму, так же как и тирийский священный корабль Геракла, который он захватил в сражении. Его он тоже принес в дар Гераклу. На нем была надпись, сочиненная им или кем другим, но упоминания не заслуживающая: я ее поэтому и не привожу. Так был взят Тир при афинском архонте Никете в месяце гекатомбеоне» [Арриан, II, 23—24].

ОСАДА РОДОСА (304—305 гг. до н.э.)

ГОРОД Родос, расположенный на берегу моря на одноименном острове, был в то время одним из самых мощных городов в Греции. Деметрий Полиоркет располагал армией в 40 тысяч воинов, 1000 ремесленниками, а также различными метательными машинами и всем необходимым для осады. Для переброски армии и снаряжения на остров Деметрию потребовалось 200 военных кораблей и 170 транспортников. Кроме того, Деметрию помогали пираты, которые враждовали с родосцами. Высадившись на остров несколько южнее города, армия Деметрия построила лагерь вблизи стен, на расстоянии, лишь немного превышавшем дальность полета стрелы из *катапульты*. Первым впечатляющим шагом Деметрия была постройка мола для создания безопасной гавани для своего флота.

Осаждающие решили прежде всего блокировать город с моря, чтобы лишить его подвоза провизии. Для этого было необходимо захватить родосскую гавань, где находился флот осажденных. В ходе осуществления задуманной операции Деметрий приказал разместить на грузовых кораблях камнеметы и стрелометы, закрытые специальными навесами, а также четырехэтажные осадные башни с катапультами. Чтобы не дать родосским кораблям протаранить эти сооружения, впереди них передвигали буйи, утыканные острыми шипами. Сопровождали эти грузовые суда легкие маневренные корабли, оснащенные стрелометами. Кроме того, борта кораблей надстроили досками так, что получились стены с амбразурами, у которых стояли критские лучники.

В ответ родосцы нарастили стены вдоль гавани и разместили на кораблях и на дамбе катапульты, прикрытые навесами. Ночью осаждающим удалось захватить конец дамбы, закрывавшей гавань. Здесь высадились 400 солдат, которые быстро возвели каменную стену и разместили на помостах камнеметы и стрелометы. Это укрепление находилось всего примерно в 150 м от городской стены, то есть на расстоянии эффективной стрельбы из метательных машин. Поэтому на следующий день камнеметам Деметрия удалось сильно повредить крепостную стену, которая к тому же была здесь низкой и слабой.

В то же время Деметрий предпринял атаку своими плавающими машинами на гавань. Установленные на кораблях стрелометы стреляли зажигательными стрелами в корабли защитников, а камнеметы обрушили ураганный огонь на крепостные стены. Однако родосцы защищались отчаянно, и им удалось сжечь сначала одну из четырех машин Деметрия, а затем потопить еще две. Осаждающие были вынуждены отступить. Тогда Деметрий выстроил огромную плавающую батарею, в три раза выше и в три раза шире предыдущих. Но попытки ввести ее в гавань окончились неудачей — разразившийся шторм разбил и потопил неповоротливые суда. Во время шторма родосцы, зная, что Деметрий не сможет прислать подкрепление, атаковали укрепление на конце дамбы, перебили осаждающих и захватили метательные машины. Таким образом, родосцы вернули полный контроль над гаванью, что было крайне важно, — именно сюда вскоре пришел флот с продовольствием и 650 солдатами союзников.

Потерпев две неудачи на море, Деметрий оставил попытки захватить гавань и сосредоточился на атаке с суши. Он построил огромную девятиэтажную *башню-гелеполу* высотой 45 м. Ширина башни у основания составляла 22 м, а вершина башни была шириной 9 м. Передняя и боковые стенки башни для защиты от зажигательных стрел были обшиты железными листами. На каждом этаже находились метательные машины, внизу — тяжелые камнеметы, сверху — легкие стрелометы. Машины стреляли через механически поднимающиеся ставни. Ставни были сшиты из шкур и набиты шерстью и предоставляли

прекрасную защиту от метательных снарядов. Башня передвигалась на восьми колесах, окованных железом. Соединение между этажами осуществлялось с помощью двух широких лестниц; по одной из которых поднимались, по другой спускались. Башню двигали 3400 человек, часть которых находилась внутри, а остальные снаружи. Учитывая размеры башни, ее не могло одновременно толкать более 1000 человек, поэтому, вероятно, эти 3400 человек работали в три смены.

Помимо башни Деметрий построил *черепахи* и тараны. Тараны также были самыми большими. Таранные балки достигали в длину 54 м и были снабжены железными наконечниками. Балки двигались на катках, и их приводили в движение 1000 человек.

Атаку Деметрий решил вести на участок стены шириной около 600 м. Удар приходился на семь башен и участки стен между ними. В центре осаждающие поставили гелеполу, а по бокам — черепахи и два тарана. Когда родосцы увидели, на какой участок обороны будет вестись штурм, они сразу же приступили к строительству второй стены, позади первой. Тогда осаждающие начали копать подкоп. Но защитники вовремя обнаружили его, провели контрподкоп и, ворвавшись в подкоп, перебили саперов.

В это время осаждающим удалось обрушить одну из башен. Защитники же не могли действительно обороняться, так как множество стрелометов, расположенных в гелеполе, не давали им высунуться, а камнеметы снесли парапет стены. Тогда родосцы безлунной ночью предприняли отчаянную вылазку, пытаясь сжечь гелеполу. Однако попытка не увенчалась успехом, и защитники приступили к строительству третьей внутренней стены, а также вырыли позади обвалившейся стены глубокий ров, чтобы преградить путь осадным машинам.

Кроме того, по словам Витрувия, родосцы уговорили архитектора Диогнета найти способ захватить гелеполу. Диогнет велел пробить в городской стене дыру напротив того места, куда должна была подойти башня. Затем родосцы вылили перед стеной массу воды, экскрементов и грязи, и все это растеклось по специально прорытым канавам. Когда на следующий день гелепола

приблизилась к стене, она напрочь застряла в образовавшемся болоте [Витрувий, X, 16, 7].

Вконец отчаявшийся Деметрий предпринял последнюю попытку взять город. Ночью полторы тысячи отборных воинов ворвались в город через пролом в стене. Однако родосцы защищались героически, и к утру штурмовики были выброшены из города.

Кроме того, на протяжении осады родосцы предприняли несколько вылазок на кораблях и три раза перехватывали караван судов с необходимыми материалами для осаждающих. Усиливалось и давление других греческих государств, симпатизировавших родосцам. Исчерпав все средства и под давлением обстоятельств, Деметрию пришлось пойти на переговоры и заключить с родосцами мир. Деметрий ретировался с острова, бросив возле города все свои осадные машины. Продав эти машины, родосцы на вырученные деньги возвели одно из семи чудес света — Колосса Родосского. Эта огромная бронзовая статуя Аполлона высотой более 30 м стала памятником победы в этой осаде.

ОСАДА СИРАКУЗ (213—211 гг. до н.э.)

ЗНАМЕНИТЫЙ сицилийский город-крепость Сиракузы выдержал не одну осаду. Здесь я привожу описание самой известной осады Сиракуз римлянами во время Второй пунической войны. Осада интересна новыми осадными методами атаки с моря, широким применением метательных машин, а также специальными приспособлениями, построенными Архимедом для защиты города.

Осада Сиракуз описана Полибием [Полибий, VIII, 3—8], Ливием [Ливий, XXIV, 33, 9 — XXIV, 34, 16] и Плутархом [Плутарх, Марцелл, 14—19]. Я привожу в основном рассказ Полибия, как более подробный и ясный, и только падение Сиракуз и смерть Архимеда цитируются по Плутарху.

«Когда Епикид и Гиппократ [предводители антиримской партии в Сиракузах] завладели Сиракузами, то сами прервали дружбу с римлянами и прочих граждан принудили к тому же. Римляне, раньше еще уведомленные

о насильственной смерти сиракузского тирана Гиеронима, выбрали в проконсулы Аппия Клавдия, дали в его распоряжение сухопутное войско, а начальство над флотом возложили на Марка Клавдия [Марцелла]. Начальники расположились станом невдалеке от города и решили, что сухопутное войско поведет приступ против города со стороны Гексапил, а флот — против Ахрадины у портика, именуемого Скитским, где стена тянется вдоль моря. Приготовив шалаши [винеи], метательные орудия и все прочее, нужное для осады, римляне надеялись при многочисленности рабочих рук покончить с приготовлениями в течение пяти дней и не дать неприятелю подготовиться. Но при этом они не приняли в расчет искусства Архимеда, не догадались, что иногда дарование одного человека способно сделать больше, чем огромное множество рук. Теперь они убедились в этом по опыту. Город был достаточно крепок уже тем, что окружающая его стена покоилась на высотах и поднимающемся перед городом утесе; к ним трудно было подойти, за исключением немногих определенных пунктов, даже и тогда, если бы осаждаемые не оказывали никакого сопротивления.

Кроме того, упомянутый Архимед заготовил внутри города, а равно и против нападающих с моря такие средства обороны, что защитникам не было необходимости утруждать себя непредусмотренными работами на случай неожиданных способов нападения; у них заранее готово было все к отражению врага в любом случае.

Итак, Аппий сделал попытку приблизиться с шалашами [винеями] и лестницами к той части стены, которая с востока упирается в Гексапилы, а Марк с шестьюдесятью квинквиремами направился против Ахрадины. Находящиеся на каждом судне люди вооружены были луками, пращами и легкими дротиками, чтобы прогонять врага, и нападающего с зубцов стен. Вместе с тем римляне сняли у восьми квинквирем весла, у одних с правой стороны, у других с левой, открытыми стенками связали суда попарно и, действуя веслами только с наружных боков, стали подвозить к городской стене так называемые самбуки. Устройство этого осадного орудия следующее: делается лестница в четыре фута [около 1,2 м] шириной и такой

длины, чтобы она при установке достигала верхнего края стены, с обеих сторон ее ограждают и закрывают высокими перилами, потом кладут ее наискось вдоль соприкасающихся стенок связанных между собою судов, так что лестница выступает далеко за корабельные носы. На вершинах мачт укрепляют блоки с канатами. Когда нужно действовать, канат привязывают к верхнему краю лестницы, и люди, стоящие на корме, тянут его на блоке, а другие, находящиеся на передней части корабля, следят за правильным подъемом лестницы и подпирают ее шестами. Наконец, при помощи гребцов, размещенных по обоим наружным бортам, римляне подходят с кораблями к суше и стараются только что описанное сооружение приладить к стене. На вершине лестницы находится доска, с трех сторон огороженная плетнем; на ней стоят четыре человека, которые и ведут борьбу с неприятелем, находящимся на зубцах стены и противодействующим установке самбуки. Как только лестница установлена так, что эти четыре воина возвышаются над стеной, боковые стенки плетня снимаются, и воины тотчас с двух сторон взбираются на зубцы или башни; прочие товарищи их следуют за ними по самбуке, надежно прикрепленной канатами к обоим кораблям. Сооружение это не без основания получило такое название: когда машина поднята, то корабль в соединении с лестницей напоминает по виду самбуку [музыкальный инструмент].

Итак, по изготовлении самбуки римляне решились подойти к башням. Однако Архимед соорудил машины, приспособив их к метанию снарядов на любое расстояние. Так, если неприятель подплывал издали, то Архимед поражал его из дальнобойных камнеметов тяжелыми снарядами или стрелами и повергал в трудное и беспомощное положение. Когда же снаряды начинали летать поверх неприятеля, то Архимед употреблял в дело меньшие машины, каждый раз сообразуясь с расстоянием, и наводил на римлян такой ужас, что они никак не решались идти на приступ или приблизиться к городу на судах. Наконец Марк, раздосадованный неудачами, вынужден был сделать попытку тайком ночью подойти к городу на кораблях. Когда римляне подошли к берегу на расстояние выстрела,

Архимед употребил другое средство, направленное против воинов, сражавшихся с судов, именно: он велел сделать в стене приблизительно на высоте человеческого роста множество отверстий, с наружной стороны имевших в ширину пальца четыре; у отверстий изнутри стены он поставил стрелков и маленькие скорпионы, через отверстия обстреливал корабельных воинов и тем отнимал у них всякую возможность сделать что-нибудь. Таким образом, далеко или близко находился неприятель, Архимед не только разрушал все его планы, но и производил в его рядах большие опустошения. Как только римляне покушались поднять самбуки, Архимед приводил машины в боевое состояние по всей стене. Все время они оставались невидимы, но лишь только требовалось употребление их в дело, машины изнутри выдвигались за зубчатые укрепления. Некоторые машины метали камни весом не менее десяти талантов [около 250 кг], другие выбрасывали груды свинца. Каждый раз, как только самбуки приближались, жерла архимедовых машин отклонялись вместе с подставкой вправо или влево, смотря по надобности, и при помощи освобождаемого блока сбрасывали камни на неприятельское сооружение. Вследствие этого не только ломалась машина римлян, но и корабль и находившиеся на нем солдаты подвергались большой опасности.

Некоторые машины отражали нападение неприятеля, защищенного и прикрытого плетнем от стрел, выпускаемых через отверстия в стене; в таком случае бросаемые камни соответствующей тяжести прогоняли нападающих римлян с передних частей корабля. Кроме того, с машины спускалась прикрепленная к цепи железная лапа; управлявший жерлом машины захватывал в каком-нибудь месте этой лапой нос корабля и потом опускал вниз находящийся внутри города конец машины. Когда нос судна был таким образом поднят и судно поставлено отвесно на корму, то плечо рычага закреплялось неподвижно, а лапа вместе с цепью отделялись от машины освобождающего приспособления. Вследствие этого некоторые суда ложились набок, другие совсем опрокидывались, большинство же от падения носом со значительной высоты в

море погружались и наполнялись водой, внося большой беспорядок и ужас среди экипажа. Изобретательность Архимеда приводила Марка в отчаяние; с прискорбием он видел, как осажденные глумятся над его усилиями и какие они причиняют ему потери. Однако, подшучивая над своим положением, Марцелл говорил, что Архимед угощает его корабли морской водой, а его самбуки как бы с позором прогоняются с попойки палочными ударами. Так окончилась осада Сиракуз с моря.

Аппий с сухопутным войском очутился в столь же трудном положении и потому совсем отказался от приступа. Действительно, находясь еще на далеком расстоянии от города, римляне сильно терпели от камнеметов и катапульт, из которых были обстреливаемы; ибо сиракузяне имели в запасе множество превосходных и метких металлических орудий. Оно и понятно, так как Гиерон дал на них средства, а Архимед изобрел и мастерски построил машины.

Итак, когда римляне приближались к городу, то одни были непрерывно обстреливаемы через отверстия в стене, о которых было сказано выше, терпели урон и не могли продолжать наступление, другие же, рассчитывавшие пробиться вперед силой и огражденные плетенками, гибли под ударами камней и бревен, падавших сверху. Много бед римлянам сиракузяне причиняли и теми лапами у машин, о которых я говорил раньше; лапы поднимали воинов в полном вооружении и кидали их оземь. Наконец Аппий с товарищами возвратился на стоянку, устроил совещание с трибунами, на котором и было принято единоголосное решение испытать всевозможные другие средства, но только отказаться от надежды взять Сиракузы приступом; согласно принятому решению, они так и действовали. Римляне оставались под стенами города в течение восьми месяцев, и не было такой уловки или отважного дела, перед которым они остановились бы, но на приступ идти они уже ни разу не осмеливались.

Такова чудесная сила одного человека, одного дарования, умело направленного на какое-либо дело. Вот и теперь: располагая столь значительными силами сухопутными и морскими, римляне могли бы быстро овладеть

городом, если бы кто-либо изъял из среды сиракузян одного старца. Но так как этот один был среди сиракузян, то римляне не дерзали нападать на город или по крайней мере употреблять те способы нападения, отразить которые Архимед был в силах» [Полибий, VIII, 3—VIII, 7].

Римляне приступили к блокаде, продолжавшейся около восьми месяцев. В конце концов город пал в результате внезапной атаки, проведенной римлянами в день праздника, когда сиракузяне перепились. Как обычно, город был разграблен. От римского меча погиб и Архимед. Подробный рассказ о падении города и версии смерти Архимеда содержатся у Плутарха:

«Случилось однажды, что в плен к римлянам попал спартанец Дамипп, плывший из Сиракуз; сиракузяне хотели его выкупить, и в ходе переговоров, "потребовавших частых встреч, Марцелл обратил внимание на одну башню, охранявшуюся недостаточно бдительно и способную незаметно укрыть несколько человек, так как подле нее нетрудно было взобраться на стену. Поскольку переговоры велись невдалеке от башни, удалось достаточно точно определить ее высоту, и вот, приготовив лестницу и дождавшись дня, в который сиракузяне, справляя праздник Дианы, предавались пьянству и развлечениям, Марцелл незаметно для неприятеля не только овладел башней, но еще до рассвета заполнил своими воинами всю стену по обе стороны от нее и пробился сквозь Гексапилы. Когда же сиракузяне наконец заметили врага и среди них поднялась тревога, он приказал повсюду трубить в трубы и этим обратил противника в беспорядочное бегство: осажденные в ужасе решили, что весь город уже в руках римлян. Но они еще владели самым красивым, обширным и лучше других укрепленным кварталом — Ахрадиной, потому что этот квартал был обнесен, особою стеной, примыкавшей к стенам внешней части города (одна часть его называлась Неаполь, другая — Тихэ).

С рассветом Марцелл, сопровождаемый поздравлениями своих военных трибунов, через Гексапилы спустился в город. Говорят, что, глядя сверху на Сиракузы и видя их красоту и величие, он долго плакал, сожалея грядущей их судьбе: он думал о том, как неузнаваемо неприятель-

ский грабеж изменит вскоре их облик. Ведь не было ни одного начальника, который бы осмелился возразить солдатам, требовавшим отдать им город на разграбление, а многие и сами приказывали жечь и разрушать все подряд. Но такие речи Марцелл решительно пресек и лишь с великою неохотой дал разрешение своим людям поживиться имуществом и рабами сиракузян, свободных же не велел трогать и пальцем — ни убивать их, ни бесчестить, ни обращать в рабство. И все же, обнаружив, казалось бы, такую умеренность, он считал судьбу города жалкой и плачевной и даже в этот миг великой радости не смог скрыть своей скорби и сострадания, предвидя, что в скором времени весь этот блеск и процветание исчезнут без следа. Говорят, что в Сиракузах добычи набралось не меньше, чем впоследствии после разрушения Карфагена, ибо солдаты настаивали на том, чтобы и оставшаяся часть города, которая вскоре пала по вине изменников, была разграблена, и лишь богатства царской сокровищницы поступили в казну.

Но более всего огорчила Марцелла гибель Архимеда. В тот час Архимед внимательно разглядывал какой-то чертеж и, душою и взором погруженный в созерцание, не заметил ни вторжения римлян, ни захвата города: когда вдруг перед ним вырос какой-то воин и объявил ему, что его зовет Марцелл, Архимед отказался следовать за ним до тех пор, пока не доведет до конца задачу и не отыщет доказательства. Воин рассердился и, выхватив меч, убил его. Другие рассказывают, что на него сразу бросился римлянин с мечом, Архимед же, видя, что тот хочет лишить его жизни, молил немного подождать, чтобы не пришлось бросить поставленный вопрос неразрешенным и неисследованным; но римлянин убил его, не обратив ни малейшего внимания на эти просьбы. Есть еще третий рассказ о смерти Архимеда: будто он нес к Марцеллу свои математические приборы - солнечные часы, шары, угольники, — с помощью которых измерял величину Солнца, а встретившиеся ему солдаты решили, что в ларце у него золото, и умертвили его. Как бы это ни произошло на самом деле, все согласны в том, что Марцелл был очень опечален, от убийцы с омерзением отвернулся как от преступника, а родственников Архимеда разыскал и окружил почетом» [Плутарх, Марцелл, 18—19].

ОСАДА АМБРАКИИ (189 г. до н.э.)

ОСАДА римлянами греческого города Амбракия в 189 г. до н.э. демонстрирует разнообразие римских осадных методов, применявшихся в начале II в. до н.э. Эта осада интересна также новым приемом борьбы с подкопами (см. цветную иллюстрацию). Амбракия (ныне Арта) — город в Южном Эпире на Ионическом море. В свое время этот город был столицей Эпирского царства и с 230 г. до н.э. входил в Этолийский союз. Описание осады Амбракии содержится у Тита Ливия [Тит Ливий, XXXVIII, 3, 9 — XXXVIII, 7] и Полибия [Полибий, XXI, 26 — XXI, 32]. Ниже я привожу описание Ливия:

«Марк Фульвий уже переправил войско в Дполлонию и советовался с эпирской знатю, куда направить первый удар. Эпирцы считали, что начать следует с осады Амбракии, тогда уже вошедшей в Этолийский союз: если этолийцы выступят на ее защиту, то лежащие вокруг Амбракии поля станут удобным местом боя; если же они откажутся от сражения, то осада будет нетрудной: близ города достаточно древесины для устройства насыпей и прочих сооружений, возле самых городских стен протекает судоходная река Аретонт, по которой удобно будет доставлять все необходимое, и, наконец, стоит лето, так что замысел легче исполнить. Этими доводами они убедили Фульвия вести войско через Эпир.

По прибытии на место консул пришел к выводу, что осада будет трудной. Амбракия расположена у подножия скалистого холма, который местные жители называют Перрантом. С запада городская стена выходит на чистое поле и омывается рекой, с востока город защищен стоящей на холме крепостью. Река Аретонт берет начало в Афамании и впадает в морской залив, названный по лежащему вблизи него городу Амбракийским. Кроме того, что с одной стороны город защищен рекой, а с другой холмами, он еще окружен прочной стеной протяженностью более четырех миль. Фульвий расположил два лагеря на небольшом расстоянии друг от друга с той стороны, где за стеной начинается поле, и еще один лагерь поставил на

высоком месте напротив крепости. Он собирался соединить эти лагеря валом и рвом так, чтобы нельзя было ни выйти из города осажденным, ни впустить подкрепление в город. Еще при первых слухах об осаде Амбракии этолийцы по приказу претора Никандра собрались в Страте. Вначале они задумали всем войском идти в Амбракию, чтобы помешать осаде; потом, убедившись, что осадные сооружения окружают уже значительную часть города, а за рекой на равнине расположились лагерь эпирцы, решили разделить свои силы. Евполем направился к Амбракии с тысячей легковооруженных воинов и вошел в город, пройдя через укрепления там, где римляне еще не успели их соединить. Командовавший остальной частью войска Никандр сперва решил ночью напасть на лагерь эпирцев, отделенный рекой от римлян, которые из-за этого не могли бы быстро прийти на помощь; но потом, опасаясь, что римляне как-то узнают об этом и обратный путь для него будет небезопасен, он передумал и повернул в сторону Акарнании, чтобы опустошать эту область.

Когда город был полностью окружен укреплениями и осадные устройства, придвигаемые к стенам, были готовы, консул отдал приказание ломать стену сразу в пяти местах. Три таких устройства [тараны] он придвинул к стенам на равном расстоянии друг от друга напротив здания, называемого Пирреем, так как там, на ровном поле, к стене легче было приблизиться; одну он поставил напротив святилища Эскулапа, одну против крепости. Тараны стали бить в стены, а шесты с серпами обламывали их зубцы. Видя это и слыша устрашающий грохот осадных машин, горожане вначале перепугались, но потом, убедившись, что стены, сверх всякого чаяния, стоят твердо, стали подъемными рычагами сваливать на тараны чушки свинца, каменные глыбы и дубовые бревна. Они зацепляли шесты железными крючьями и, перетягивая их к себе, обламывали серпы. Кроме того, осажденные сами наводили страх вылазками — ночью они нападали на стражу осадных машин, а днем на заставы.

Так обстояли дела под Амбракией, когда этолийцы, оставив опустошение Акарнании, возвратились в Страт. Претор Никандр, понадеявшись снять осаду решительны-

ми действиями, приказал некоему Никодаму с пятью сотнями этолийцев войти в Амбракию. Он назначил определенный срок и даже час для одновременного ночного удара: из города предполагалось напасть на осадные сооружения у стены, что напротив Пиррея, а сам он должен был навести ужас на римский лагерь. Никандр рассчитывал, что благодаря суматохе и ночному времени, усиливающему страх, действуя сразу с двух сторон, он сумеет совершить нечто славное, что надолго останется в памяти потомков. И вот Никодам глубокой ночью проникает в город через соединительный вал [невысокий вал, соединявший осадные укрепления римлян], незаметно миновав одни караулы и с боем пройдя через другие. Это придало осажденным надежды и решимости. Как только настала условленная ночь, Никодам внезапно напал на осадные машины. Его смелая попытка не имела, однако, особенных последствий, так как никакой поддержки с наружной стороны вала он не получил: этолийский претор то ли побоялся вступить в бой, то ли счел более важным оказать помощь недавно возвратившимся в союз амфилохийцам, которые тем временем подверглись жестокому натиску войск Филиппова сына, Персея, посланного вернуть македонянам Долопию и Амфилохию.

Как уже было сказано, возле Пиррея в трех местах были осадные сооружения римлян. Этолийцы напали на них — на все три одновременно, но с разной силой и вооружением: одни с пылающими факелами, другие с паклей, смолой и зажигательными стрелами, так что весь строй их сверкал огнями. При первом их натиске погибли многие караульные; потом крики и шум донеслись до лагеря, солдаты по сигналу консула схватились за оружие и выступили сразу из всех ворот. Бились огнем и мечом; в двух местах этолийцы, только попытавшись завязать сражение и ничего не добившись, отошли. Ожесточенная битва завязалась лишь в одном месте. Здесь Евполом и Никодам, два военачальника, напавшие с разных сторон, поднимали дух воинов, напоминая им, что по уговору вот-вот подойдет Никандр и ударит на неприятеля с тыла. Эта уверенность некоторое время поддерживала сражавшихся, но, не получая условленных сигналов и видя, как неприятель

все прибывает и прибывает, они поняли, что покинуты, и ослабили натиск. В конце концов они прекратили бой и, обратившиеся в бегство, были отогнаны в город; в ходе боя этолийцам удалось поджечь часть осадных сооружений и перебить значительно больше врагов, чем потеряли убитыми сами. А ведь если бой велся бы так, как было условлено, то этолийцы, несомненно, захватили бы осадные сооружения по крайней мере в одном месте и уничтожили бы множество неприятельских солдат. После этого неудачного ночного сражения амбракийцы и бывшие в городе этолийцы, чувствуя себя пострадавшими от предательства, на все остальное время потеряли охоту идти навстречу опасности. На вылазки они уже не решались, на вражеские заставы не нападали и сражались только из укрытий, распределившись по стенам и башням. <...> Тем временем римлянам под Амбракией удалось снести часть городских стен, разбивая их таранами сразу во многих местах, однако проникнуть в город они не могли, ибо жители вместо разрушенных стен успевали быстро возвести новые, да и стоявшие на развалинах вооруженные воины заменяли собой укрепления. Поэтому консул, видя, что, действуя силой в открытую, он не может добиться успеха, решил вести подкоп; выбранное место он заранее прикрыл осадными навесами, скрывавшими действия римских солдат. А те работали денно и нощно, роя ход под землей и вынося землю наверх, и некоторое время подкоп оставался незамеченным. Горожане обнаружили его по внезапно поднявшейся куче и, испугавшись, что стены уже подкопаны и в город проделан ход, стали по свою сторону стен вести ров напротив того места, что было прикрыто навесами. На той глубине, где должен был быть пол подземного хода, они прекратили работу и стали прислушиваться под стеною то там, то сям, стараясь расслышать, где же копают. От того места, где они этот шум слышали, они повели ход напрямик к подкопу и без труда, мгновенно вышли к подрытой и снизу подпертой стойками городской стене. Проложив дорогу в подземный ход, осажденные стали биться с римлянами, сперва теми самыми заступами и другими орудиями, которыми рыли землю, потом к ним быстро спустились вооруженные воины, так что там, в глу-

бине, завязалось настоящее сражение, хотя с поверхности и невидимое. Бой был жарким, пока не догадались перего-
раживать подземный ход то в одном, то в другом месте
волосяными матами и поспешно поставленными ворота-
ми*. Тогда осаждаемые придумали новую хитрость, не тре-
бовавшую большого труда: взяв бочку**, они высверлили
в ее дне отверстие, достаточное для того, чтобы укрепить в
нем небольшую трубку, изготовили железную трубку и
железную же крышку для бочки, которую во многих мес-
тах просверлили, а затем, наполнив эту бочку птичьим
пухом, поставили ее так, чтобы она открывалась в подзем-
ный ход. Из дырок в крышке торчали длинные копья, назы-
ваемые сариссами, которые не позволяли неприятелю к ней
приблизиться. Потом высекли искру, подожгли пух и раз-
дули огонь кузнечным мехом, приставленным к концу труб-
ки. Подземный ход был заполнен удушливым дымом и ед-
кой вонючей гарью от горящего пуха, оставаться там не
мог уже, пожалуй, никто».

Несмотря на временные успехи, амбракийцам не при-
ходилось рассчитывать на скорую помощь извне, и перс-
пективы у них были весьма мрачные. В свою очередь рим-
ляне, испробовав различные осадные методы, так и не
смогли взять город штурмом. Единственным выходом для
них оставалась блокада, но она могла затянуться на не-
определенный срок. Поэтому, когда прибыли посредники
и начали склонять стороны к заключению мира, обе сто-
роны с готовностью пошли на переговоры.

ОСАДА АВАРИКА (52 г. до н.э.)

ОСАДА Юлием Цезарем галльского города Аварика
любопытна активными действиями осажденных галлов.
В отличие от более ранних осад, галлы теперь уже не впа-
дают в панический страх при виде римской осадной тех-

* Полибий в этом месте говорит о щитах, что, должно быть,
больше соответствует действительности.

** По другим источникам — глиняный сосуд.

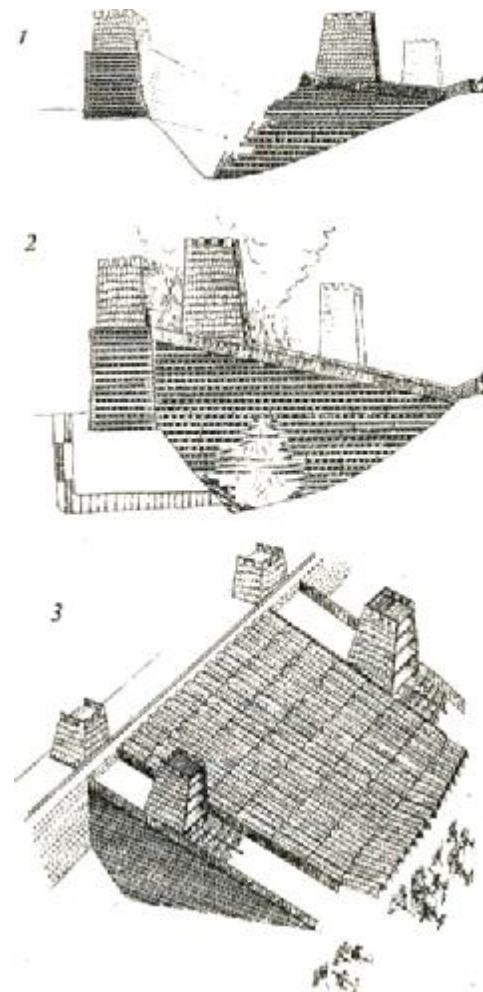

Рис. 176. Осада Аварика, 52 г. до н.э.:

1 — римляне под прикрытием винограда строят насыпь и устанавливают осадные башни, галлы возводят на стене покрытые кожей башни; 2 — галлы делают подкоп под насыпь и поджигают ее, но римляне успевают отвести осадные башни и потушить пожар; 3 — под прикрытием сильного ливня римляне неожиданно бросаются в атаку и захватывают стену; здесь показаны осадные работы римлян в законченном виде; в центре находятся крытые галереи из винограда, по бокам — две осадные башни, сзади, за подвижными прикрытиями, находятся катапульты, баллисты и скорпионы

ники, а достойно ведут оборону: наращивают стену, роют подкопы под насыпь (рис. 176), делают частые вылазки с целью уничтожить осадную технику. Действия римлян, как всегда, отличаются упорством и терпением.

При осаде Аварика Цезарь располагал восьмью легионами (около 30 000 солдат), а также 8000 всадников и вспомогательных войск. Галльский гарнизон насчитывал 10 000 воинов, а общая численность города достигала 40 000 человек.

Помимо собственно осадных действий, Юлий Цезарь в своем рассказе приводит интересное описание конструкции галльских крепостей:

«Цезарь разбил лагерь у той части города, которая, как указано выше, не была окружена рекой и болотами и представляла собой единственный, очень узкий доступ. Здесь он начал заготавливать материал для плотины [насыпь, *лат. agger*, далее изменено мной], продвигать крытые галереи и устанавливать две башни, ибо окружению валом мешало местоположение» [Юлий Цезарь, VII, 17].

«Исключительной доблести наших солдат галлы противопоставляли разного рода маневры, так как вообще эта нация отличается большой смелостью и чрезвычайной способностью перенимать и воспроизводить у себя все, чему учат другие. Именно: наши стенные крюки они ловили петлями и, зацепив их, тащили воротом к себе в город, под нашу насыпь они проводили подземные ходы и таким образом вытаскивали из-под нее землю, с тем большим знанием дела, что у них есть большие железные копи и всякого рода подземные ходы им хорошо известны по собственному опыту. А всю свою стену они застроили со всех сторон ярусными башнями, которые покрыли кожами. Далее, они делали частые вылазки и днем, и ночью и либо поджигали насыпь, либо нападали на наших солдат за их работой, и на какую высоту от ежедневного увеличения насыпи поднимались наши башни, такую же они давали своим башням посредством прибавки новых балок; наконец, проведение открытых ходов они задерживали заостренными и зажженными бревнами, горячей смолой и камнями огромной тяжести и таким образом препятствовали приближению их к стенам.

Все галльские стены обыкновенно бывают такого устройства. На землю кладутся во всю длину прямые и цельные бревна параллельно друг другу с промежутком в два фута [60 см]; они связываются внутри (поперечными балками) и густо покрываются землей; а спереди указанные промежутки плотно заполняются большими камнями. Положив и связав их, на них кладут сверху другой ряд с соблюдением того же расстояния между бревнами; однако бревна (верхнее и нижнее) не приходятся одно на другое, но каждое из них в пределах того же расстояния крепко сдерживается каменной кладкой. Так, рядами выводится вся постройка, пока стена не достигнет надлежащей высоты. Это сооружение имеет в общем довольно приятный и разнообразный вид вследствие правильного чередования бревен и камней, лежащих рядами по прямым линиям; но, кроме того, оно вполне целесообразно в смысле успешной обороны городов, так как от огня защищает камень, а от тарана деревянная кладка, которую нельзя ни пробить, ни вытащить, ибо она состоит из цельных бревен — обыкновенно в сорок футов [12 м] длиной — и внутри надлежащим образом связана.

Все эти препятствия очень затрудняли осаду, и, кроме того, работа наших солдат все время замедлялась холодами и постоянными ливнями. И все-таки они преодолели все затруднения непрерывным трудом, построив в двадцать пять дней насыпь шириной в триста тридцать футов [около 100 м] и высотой в восемьдесят футов [24 м]. Когда она уже почти касалась неприятельской стены и Цезарь, по обыкновению, проводил ночь при работающих солдатах и ободрял их ни на одну минуту не прерывать работы, незадолго до третьей стражи заметили, что насыпь дымится (оказалось, что ее подожгли посредством подкопа враги); в то же время по всей стене поднялся воинский клич, и из двух ворот у обеих сторон [наших] башен началась вылазка. Другие бросали издали со стены на насыпь факелы и сухое дерево, лили смолу и другие горючие вещества, так что с трудом можно было сообразить, куда надо прежде всего спешить, где подать помощь. Но так как по заведенному Цезарем порядку всегда стояли на карауле два легиона и еще большее число солдат

было занято попеременно работой, то скоро одни стали отбивать вылазку, другие отводить назад башни и ломать насыпь, а вся масса солдат, бывшая в лагере, сбежалась тушить пожар.

Оставшаяся часть ночи уже пришла к концу, а сражение все еще продолжалось во всех пунктах, и у врагов возникали все новые и новые надежды на победу, тем более что они видели, как сгорели башенные щитки и какого труда стоило нашим солдатам, не имевшим прикрытия, подавать помощь. Наоборот, у них самих бойцы со свежими силами постоянно сменяли утомленных, и вообще они полагали, что спасение всей Галлии зависит исключительно от этого момента. В это время на наших глазах случился достойный упоминания эпизод, о котором мы не сочли возможным умолчать. Один галл перед воротами города бросал по направлению к башне в огонь передаваемые ему из рук в руки комки сала и смолы. Пораженный в правый бок выстрелом из скорпиона, он пал бездыханным. Один из его соседей перешагнул через его труп и продолжал его дело; он точно так же был убит выстрелом из скорпиона, его сменил третий, третьего — четвертый; и этот пункт только тогда был очищен неприятельскими бойцами, когда пожар насыпи был затушен, враги были оттеснены и сражение вообще окончилось.

<...> На следующий день Цезарь распорядился продвинуть башню и указал, куда направить те осадные работы, которые по его приказанию были уже начаты. В это время начался сильный ливень, и Цезарь решил использовать такую погоду для исполнения задуманного плана. Видя, что караулы на стене у неприятелей расставлены не так тщательно, как обыкновенно, он и своим солдатам приказал работать с меньшей энергией и дал им необходимые указания. Поместив легионы в боевой готовности в скрытом месте за крытыми галереями, он ободрил их к тому, чтобы наконец пожать плоды победы за свои великие труды; тем, которые первыми взойдут на неприятельскую стену, он обещал награды и затем дал сигналы к атаке. Солдаты быстро бросились со всех сторон и немедленно заняли всю стену.

Неожиданность нападения привела врагов в ужас. Выбитые со стены и из башен, они остановились в клинообразном строю на площади и других открытых местах с решимостью принять правильное сражение там, где римляне пойдут на них в атаку. Но увидев, что никто не спускается на ровное место, но все распространяются кругом по всей стене, они побоялись потерять последнюю надежду спастись бегством и, побросав оружие, неудержимым потоком устремлялись к окраинам города. Там одни из них, давившие друг друга в узком выходе из ворот, были перебиты нашей пехотой, а другие — уже за воротами — конницей. При этом никто не думал о добыче. Озлобленные резнёю в Кенабе и трудностью осадных работ, солдаты не дали пощады ни дряхлым старикам, ни женщинам, ни малым детям. В конце концов из всей массы, доходившей до четырех тысяч человек, уцелело едва восемьсот человек, которые успели при первых же криках броситься из города и невредимыми добрались до Верцингеторига» [Юлий Цезарь, VII, 22—28].

ОСАДА АЛЕЗИИ (52 г. до н.э.)

АЛЕЗИЯ — город племени мандубиев в Галлии. Он располагался на западном краю ромбовидного плато длиной 1500 м и шириной 1000 м. В 52 г. до н.э. здесь укрылся со своим войском предводитель галлов Верцингеториг. Галлы разместились на плато рядом с городом. Цезарь окружил город контр- и циркумвалационной линиями, протяженность которых достигала 22 км. Помимо римских легионеров в его войске были критские и нумидийские лучники, а также германская конница.

Осада (рис. 177 и 178) поражает масштабами осадных работ и демонстрирует, в сколь тяжелом положении могут оказаться осаждающие, запертые между осажденными и подошедшим на выручку подкреплением. Поистине, только Цезарь с римскими легионерами мог сражаться в подобных условиях и выйти победителем. Предоставим слово самому Юлию Цезарю [Юлий Цезарь, VII, 69—89]:

«Самый город Алезия лежал очень высоко на вершине холма, так что его можно было взять, очевидно, только блокадой. Подошва этого холма была омываема с двух сторон двумя реками. Перед городом тянулась приблизительно на три мили в длину равнина; со всех остальных сторон город был окружен холмами, которые поднимались на небольшом от него расстоянии и были одинаковой с ним вышины. Под стеной на восточном склоне холма все это место густо занимали галльские силы, которые провели для своей защиты ров и ограду в шесть футов [1,8 м] вышиной. А линия укрепления, которую строили римляне, занимала в окружности одиннадцать миль [около 17,5 км]. В соответственных пунктах на ней был разбит лагерь и устроено двадцать три редута. В этих редутах днем стояли сторожевые посты для предупреждения внезапных вылазок; сильные отряды караулили их и ночью.

После начала работ завязалось кавалерийское сражение на равнине, которая, как мы выше сказали, простиралась на три мили между холмами. С обеих сторон идет очень упорный бой. Когда нашим стало трудно, Цезарь послал им на помощь германцев и выстроил легионы перед лагерем, чтобы предупредить внезапное нападение неприятельской пехоты. Поддержка легионов увеличила у наших мужество, обращенные в бегство враги затруднили себя своей многочисленностью и скучились в очень узких проходах, оставленных в ограде. Тем ожесточеннее их преследовали германцы вплоть до их укреплений. Идет большая резня. Некоторые, бросив коней, пытаются перейти через ров и перелезть через ограду. Легионам, стоявшим перед валом, Цезарь приказывает несколько продвинуться вперед. Но и те галлы, которые были за укреплениями, приходят в не меньшее замешательство — им вдруг начинает казаться, что их атакуют, и они все кричат: „К оружию!“ Некоторые со страха вламываются в город. Тогда Верцингеториг приказывает запереть ворота, чтобы лагерь не остался без защитников. Перебив много врагов и захватив немало лошадей, германцы возвращаются в лагерь.

Еще до окончания римлянами своих укреплений Верцингеториг принимает решение отпустить ночью свою конни-

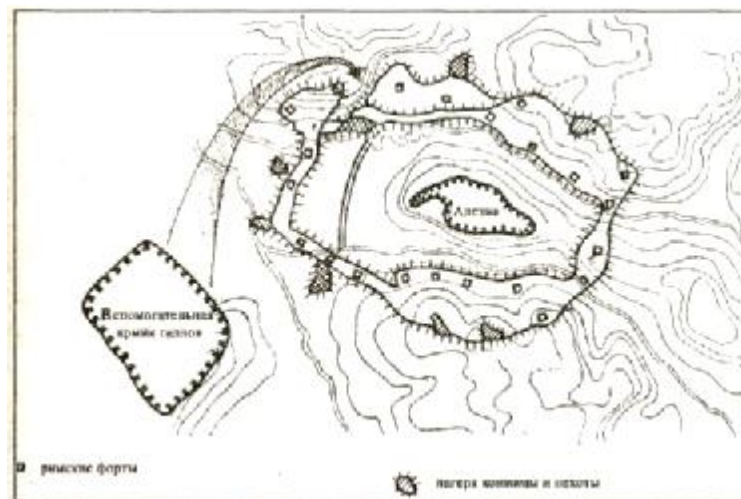

Рис. 177. Осада Алезии, 52 г. до н.э.

цу. При ее уходе он поручает каждому посетить свою общину и собирать на войну всех способных по возрасту носить оружие. Он ссылается на свои заслуги перед ними и закликает подумать о его спасении за великие услуги, оказанные им делу общей свободы, не предавать его врагам на мучительную казнь. Но если они не проявят достаточной энергии, то вместе с ним обречены на гибель восемьдесят тысяч человек отборного войска. По сделанному подсчету, у него хватит хлеба с трудом на тридцать дней, но при известной бережливости можно продержаться несколько дольше. С этими поручениями он отпускает конницу, которая прошла во вторую стражу без всякого шума там, где наша линия укреплений имела перерывы. Весь хлеб он приказывает доставить ему и за послушание определяет смертную казнь; скот, пригнанный в большом количестве мандубиями, распределяет между своими солдатами по числу голов; а хлеб начинает отмеривать скупой и на короткий срок. Все войска, стоявшие перед городом, он снова вводит в город. Приняв эти меры, он решает ждать галльских подкреплений и планомерно продолжать войну. Узнав об этом от перебежчиков и от пленных, Цезарь устроил свои укрепления следующим образом. Он провел

ров в двадцать футов [6 м] шириной с отвесными стенками, так что ширина его основания равнялась расстоянию между верхними краями; а все прочие укрепления устроил в четырехстах футах [120 м] позади этого рва. Так как пришлось по необходимости занять очень большое пространство и всю линию укреплений нелегко было заполнить сплошным кольцом солдат, то такая система имела целью помешать неожиданным или ночным массовым неприятельским атакам на укрепления и, с другой стороны, предохранять в течение дня назначенных на работу солдат от неприятельского обстрела. На упомянутом расстоянии он провел два рва в пятнадцать футов [4,5 м] шириной и такой же глубины; в средний из них, находившийся на ровной и низменной местности, он провел воду из реки. За ними выстроены были плотина [насыпь] и вал в двенадцать футов [3,6 м] вышиной, который был снабжен бруствером и зубцами, причем на местах соединения бруствера с валом выдавались большие рогатки, чтобы затруднять врагам восхождение на вал, а вся линия укреплений была опоясана башнями в восьмидесяти футах [24 м] одна от другой.

Приходилось по необходимости одновременно добывать и лес и хлеб и строить укрепления при неполном составе войск, часть которых уходила довольно далеко из лагеря. Поэтому галлы нередко пытались нападать на наши укрепления и со всеми своими силами делать вылазки из нескольких городских ворот сразу. Тогда Цезарь счел нужным прибавить к этим веркам еще и другие, чтобы все укрепления можно было защищать меньшим количеством солдат. С этой целью срубались стволы деревьев или очень прочные сучья, их верхушки очищались и заострялись; затем проводились один за другим рвы в пять футов [1,5 м] глубиной. В них устанавливались эти стволы, и, чтобы их нельзя было вырвать, снизу они скреплялись, причем сучья выдавались наружу. Они образовали по пять рядов, связанных и сплетенных друг с другом. Кто попадал туда, тот натывался на острия стволов. Их называли „могильными столбами“. Перед ними выкапывались косыми рядами в виде пятерки ямы в три фута [0,9 м] глубиной, постепенно суживавшиеся книзу. В них опускались

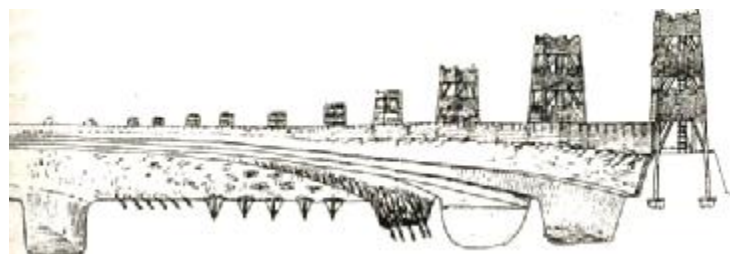

Рис. 178. Осадные линии, выстроенные римлянами при осаде Алезии. Реконструированы на основании описания Ю. Цезаря и археологических раскопок

гладкие стволы толщиной в человеческое бедро, заостренные и обожженные сверху и выдававшиеся над поверхностью не более чем на четыре дюйма. Чтобы придать им полную устойчивость, каждый из них у основания закапывали на один фут [около 30 см] землей и утаптывали ее; а остальную, верхнюю часть ямы прикрывали прутьями и хворостом, чтобы скрыть ловушку. Такого рода ям было всюду проведено по пять рядов в трех футах [0,9 м] друг от друга. По сходству с цветком их называли „лилиями“. Перед ними целиком вкапывались в землю кольца в фут [около 0,3 м] длиной с железными крючками; они были устроены в разных местах на небольшом расстоянии друг от друга. Их называли „стрекалами“.

По окончании всех этих работ Цезарь выбрал, насколько позволяла местность, самую ровную полосу и провел на ней совершенно такую же линию укреплений в четырнадцать миль [22,5 км] в окружности, но обращенную наружу, именно против ожидаемого извне неприятеля, чтобы он даже в очень большом количестве не был в состоянии окружить со всех сторон его караульные отряды. А чтобы не быть вынужденным выходить в случае надобности из лагеря с опасностью для своего войска, он приказал всем запастись хлебом и фуражом на тридцать дней».

По требованию Верцингеторига галлы назначили съезд князей, на котором постановили, что каждое племя должно выставить определенное число воинов. По словам

Цезаря, всего было набрано 8000 всадников и 250 000 пехотинцев*. Между тем в Алезии кончились запасы продовольствия и начался голод.

«Голосованием было решено удалить из города всех негодных для войны по нездоровью или по годам и испытать все средства, прежде чем прибегнуть к мере, рекомендованной Критогнатом [то есть заняться людоедством]; однако если к тому вынудят обстоятельства и запоздает помощь, то лучше уж воспользоваться его советом, чем согласиться на условия сдачи или мира. Мандубии же, принявшие тех в свой город, были изгнаны из него с женами и детьми. Когда они дошли до римских укреплений, то они со слезами стали всячески умолять принять их в качестве рабов, только бы накормить. Но Цезарь расставил на валу караулы и запретил пускать их.

Тем временем Коммий и остальные главнокомандующие достигли со всеми своими войсками Алезии, заняли лежавший вне линий наших укреплений холм и расположились не более чем в одной миле от них. На следующий день они вывели из лагеря конницу и заняли всю ту равнину, которая, как выше было нами указано, тянулась на три мили в длину. Свою пехоту они поставили в некотором отдалении на высотах. Из города Алезии вся долина была видна. При виде этих вспомогательных войск осажденные бегут к ним навстречу, поздравляют друг друга, и все ликуют. Все силы выступают из города и располагаются перед ним; ближайший ров заваливают фашиником и землей и готовятся к вылазке и ко всем случайностям боя.

Цезарь распределил все свое войско на обе линии укреплений, чтобы в случае надобности каждый точно знал свой пост и с него не уходил, а коннице он приказал выступить из лагеря и завязать сражение. Из всех лагерей, занимавших в окрестностях самые высокие пункты, открывался вид вниз, и потому все солдаты с напряженным

* Г. Дельбрюк [46, т. I, с. 359] считает эти цифры значительно завышенными. По его мнению, силы римлян и галлов были равны: римское войско состояло из 70 000 воинов, 20 000 галлов (а не 80 000, как у Цезаря) было заперто в Алезии, и на выручку им явилось только 50 000 галлов.

вниманием следили за исходом сражения. Галлы расположили в рядах своей конницы отдельных стрелков и легковооруженных пехотинцев, которые должны были подавать помощь своим при их отступлении и выдерживать атаку нашей конницы. Неожиданными нападениями они многих из наших ранили и заставили выйти из линии боя. Так как галлы были уверены в своем боевом перевесе и видели, как тяжело приходится нашим от их численного превосходства, то и те, которые находились за укреплениями, и те, которые пришли к ним на помощь, поднимали повсюду крик и вой для возбуждения храбрости в своих. Дело шло у всех на виду, ни храбрость, ни трусость не могли укрываться, и потому жажда славы и боязнь позора вызывали в обеих сторонах геройский пыл. С полудня почти вплоть до захода солнца сражение шло с переменным успехом, пока наконец германцы в одном пункте не напали сомкнутыми рядами на неприятелей и не опрокинули их. Во время их бегства стрелки были окружены и перебиты. И в прочих пунктах наши преследовали отступавшего неприятеля вплоть до его лагеря и не дали ему времени снова собраться с силами. Тогда те, которые выступили из Алезии, почти совершенно отчаялись в победе и с печалью отступили в город.

По прошествии одного дня, в течение которого галлы изготовили много фашиника, лестниц и багров, они выступили бесшумно в полночь из лагеря и приблизились к полевым укреплениям. Внезапно подняв крик, который для осажденных должен был служить сигналом их наступления, они бросают фашиник, сбивают наших с вала пращами, стрелами и камнями и вообще готовят штурм. В то же время Верцингеториг, услышав их крик, дает своим сигнал трубой к наступлению и выводит их из города. Наши занимают на укреплениях свои посты, которые каждому были назначены в предыдущие дни, и отгоняют галлов фунтовыми пращами, кольями, расставленными по всем шанцам, и свинцовыми пулями. Так как за наступившей темнотой ничего не было видно, то много народа с обеих сторон было переранено. Немало снарядов выпущено было из метательных машин. Там, где нашим было трудно, легаты М. Антоний и Г. Требоний, которым

досталась оборона этих пунктов, выводили резервы из ближайших редутов и по мере надобности посылали их на помощь.

Пока галлы находились на некотором расстоянии от наших укреплений, им давало известную выгоду множество снарядов; но как только они подошли ближе, то стали натекать на „стрекала“, либо попадали в ямы и ранили себя о крючья, либо им наносились сквозные смертельные раны копьями, пускаемыми с вала и башен. Во всех пунктах они понесли большие потери ранеными, но нигде не прорвали линии наших укреплений, а между тем уже приближался рассвет, и тогда они, из боязни быть окруженными на неприкрытом фланге вылазкой римлян из верхнего лагеря, отступили к своим. Что же касается осажденных, то, пока они приносили заготовленные Верцингеторигом материалы для вылазки и первые ряды их засыпали рвы, на все это ушло много времени, и они узнали об отступлении своих прежде, чем успели приблизиться к нашим укреплениям. Таким образом, они ни с чем вернулись в город.

Дважды отбитые с большим уроном, галлы совещаются о том, что им делать, привлекают знающих местность людей, узнают от них о расположении верхнего лагеря и об укреплениях. На северной стороне был холм, который наши, вследствие его обширности, не могли включить в линию своих укреплений; по необходимости пришлось разбить лагерь на месте почти что прямо невыгодном, именно на отлогом спуске холма. Этот лагерь занимали легаты Г. Антистий Регин и Г. Каниний Ребил с двумя легионами. Ознакомившись через разведчиков с местностью, неприятельские вожди отбирают из всего войска шестьдесят тысяч человек, притом из тех племен, которые особенно славились своей храбростью, тайно условливаются между собой относительно деталей дальнейших действий и назначают общий штурм на полдень. Командование этими войсками они поручают арверну Веркассивеллауну, одному из четырех главнокомандующих и родственнику Верцингеторига. Тот, выступив из лагеря в первую стражу, к рассвету прошел почти весь путь, занял скрытую позицию за горой и приказал своим солдатам

отдохнуть после ночных трудов. Около полудня он двинулся на вышеупомянутый лагерь; в то же время и его конница стала подходить к полевым укреплениям, а остальные силы начали разворачиваться перед нашим лагерем.

Верцингеториг, увидав своих из крепости Алезии, со своей стороны выступает из города и приказывает захватить фашиник, шесты, подвижные навесы, стенные багры и вообще все заготовленное им для вылазки. Сражение идет во всех пунктах одновременно; повсюду делаются попытки штурма; в наиболее слабые пункты устремляются большими массами. Римские отряды, растянутые по таким огромным укреплениям, с трудом успевают давать отпор во многих местах сразу. Очень устрашает наших крик, раздавшийся в тылу у бойцов, так как для них ясно, что их опасное положение зависит от чужой храбрости: ведь все, что от людей далеко, сильнее действует на их душу.

Цезарь, выбрав удобный пункт, видит с него, что где делается: где наших теснят, туда он посылает резервы. Обеим сторонам приходит на мысль, что именно теперь наступил решающий момент их конечной борьбы: для галлов, если они не прорвут укреплений, потеряна всякая надежда на спасение, римлян, если они удержатся, ожидает конец всех их трудов. Особенно тяжело приходится нашим у верхних укреплений, против которых, как мы указали, был послан Веркассивеллаун. Неблагоприятная для римлян отлогость холма оказывает большое влияние на ход сражения. Часть галлов пускает снаряды, часть идет на римлян строем „черепахи“; утомленных сменяют свежие силы. Все галлы бросают землю на укрепления, облегчают себе таким образом подъем и засыпают ловушки, скрытые римлянами в земле. У наших уже не хватает ни оружия, ни сил.

Узнав об этом, Цезарь посылает теснимым на помощь Лабизна с шестью когортами и приказывает ему в случае невозможности держаться увести когорты с вала и сделать с ними вылазку, но прибегнуть к этой мере только в крайности. А сам обходит остальных, ободряет их не поддаваться изнурению, обращая их внимание на то, что от этого дня и часа зависят все плоды прежних сражений.

Осажденные потеряли надежду взять слишком огромные полевые укрепления и пытаются взобраться на крутизны и напасть на бывшие там укрепления; сюда они несут все материалы для штурма. Множеством снарядов они выбивают защитников из башен, засыпают землей и фашинником рвы, рвут баграми вал и брустверы.

Цезарь сначала посылает туда молодого Брута с его когортами, а затем с другими когортами Г. Фабия; наконец, так как сражение становилось все более и более ожесточенным, сам ведет на помощь свежие резервы. Восстановив здесь бой и отбив неприятелей, он спешит к тому пункту, куда послал Лабиэна; берет с собой четыре когорты из ближайшего редута, приказывает части конницы следовать за собой, а другой объехать внешние укрепления и напасть на врагов с тыла. Лабиэн, убедившись в том, что ни плотины [насыпи], ни рвы не могут выдержать напора неприятельских полчищ, собрал в одно место сорок когорт, которые были выведены из ближайших редутов и случайно на него наткнулись, и сообщил Цезарю через гонцов о своих ближайших намерениях. Цезарь спешит к нему, чтобы принять участие в сражении.

О его прибытии узнали по цвету одежды, которую он носил в сражениях как знак отличия; вместе с тем показались следовавшие за ним по его приказу эскадроны всадников и когорты, так как с высот видно было все происходившее на склонах и в долине. Тогда враги вновь завязывают сражение. Навстречу крику, поднявшемуся с обеих сторон, раздается крик с вала и со всех укреплений. Наши оставили копья и взялись за мечи. Внезапно в тылу у неприятелей показывается римская конница и приближаются еще другие когорты. Враги повертывают в тыл, но бегущим перерезывают дорогу всадники. Идет большая резня. Вождь и князь лемовиков Седулий падает убитым; арверна Веркассивеллауна захватывают живым во время бегства; Цезарю доставляют семьдесят четыре военных знамени; лишь немногие из этой огромной массы спасаются невредимыми в свой лагерь. Те, которые заметили из города избиение и бегство своих, отчаялись в своем спасении и увели свои войска назад от укреплений. При слухе об этом тотчас же начинается всеобщее бегство из

галльского лагеря. И если бы наши солдаты не были утомлены частыми передвижениями на помощь и напряженным трудом за целый день, то все неприятельские полчища могли бы быть уничтожены. Посланная около полуночи конница нагнала арьергард; много народу было при этом взято в плен и убито; остальные разбегаются по своим общинам.

На следующий день Верцингеториг созвал общее собрание и заявил на нем, что эту войну он начал не ради своих личных выгод, но ради общей свободы; так как необходимо покориться судьбе, то он отдает себя в распоряжение собрания: пусть оно благоволит сделать выбор — или его смертью удовлетворить римлян, или выдать его живым. По этому поводу отправили к Цезарю послов. Он приказывает им выдать оружие и привести князей. Сам он сел в укреплениях перед лагерем. Туда приводят вождей; Верцингеторига выдают, оружие положено. Эдуев и арвернов Цезарь поберег в расчете снова приобрести через них влияние на их общины; остальных пленных он распределил во всем своем войске по человеку на солдата в качестве военной добычи».

ОСАДА ИОТАПАТЫ (67 г. н.э.)

САМАЯ известная осада времен раннего принципата — это осада Иерусалима в 70 г. н.э. Но с точки зрения осадной войны наиболее интересна осада Иотапаты, описание которой я и привожу.

В 67 г. н.э. римское войско под командованием Тита Флавия Веспасиана осадило город Иотапату. Обороной города командовал сам Иосиф Флавий, впоследствии ставший придворным историографом Флавиев и описавший эти события в книге «Иудейская война».

В ходе этой осады римляне построили насыпь, подвели таран и даже воздвигли три обшитые железными листами осадные башни. Впервые римляне в столь крупных масштабах использовали метательную артиллерию. Иосиф Флавий дает очень живое описание того, как с ее

помощью расстреливали защитников и разрушали стену. Осажденные постоянно делали вылазки и применяли самые разнообразные методы борьбы с осадной техникой: наращивание стен под защитой деревянных загоронок, покрытых кожами; вывешивание мешков с мякиной для ослабления ударов тарана; поливание штурмующих римлян кипящим маслом. Интересно, что Иосиф Флавий «скромно» приписывает изобретение всех этих древних способов обороны себе.

«Веспасиан, решившись разрушить Иотапату (куда, как он узнал, бежала большая часть неприятеля и которую он вообще признавал крепкой опорой для последнего), отрядил пехоту и всадников для нивелирования холмистого и каменистого пути, труднопроходимого для пешеходов и совсем недоступного для всадников. В четыре дня они окончили работу и открыли перед римлянами Широкую столбовую дорогу. На пятый день — это было в двадцать первый день месяца артемизия — Иосиф прибыл из Тивериады в Иотапату и своим появлением вновь воскресил упавший дух иудеев. Перебежчик принес Веспасиану желанную весть о прибытии Иосифа в Иотапату и советовал ему скорее напасть на город, так как с взятием последнего он покорит всю Иудею, если он вместе с тем захватит в плен и Иосифа. Веспасиан с радостью выслушал эту весть, считая ее чрезвычайно счастливым предзнаменованием; он усматривал перст Божий в том, что тот из его врагов, который слыл самым талантливым, самовольно попал в ловушку, и поэтому послал немедленно Плацида и декуриона Эбуция — человека, отличавшегося храбростью и предусмотрительностью, с 1000 всадников для оцепления города с целью лишить Иосифа возможности тайного бегства.

На следующий день он сам выступил во главе своей соединенной армии и к вечеру прибыл в Иотапату. На севере от города, на возвышении, отстоящем от него на семь стадий [около 1300 м], он разбил свой лагерь; он хотел как можно ближе находиться на виду неприятеля, чтобы внушать ему страх, и это удалось ему в такой степени, что ни один иудей не осмелился выйти за стену. Нападать сейчас римляне не могли решиться, так как они

весь день находились в пути; они удовольствовались поэтому оцеплением города двойной войсковой линией и образованием позади них еще третьей линии из всадников, чтобы закрыть всякий выход для жителей. Но иудеи, отчаявшись в спасении, сделались через это только смелее, ибо ничто так не воодушевляет на борьбу, как сознание безысходности.

На следующий день римляне предприняли наступление. Вначале иудеи, расположившиеся лагерем в окрестности перед стеной, сражаясь на близком расстоянии, выдерживали напор; но когда Веспасиан напустил на них стрелков, пращников и всю массу войска, вооруженного метательными копьями, а сам он с пехотой устремился вверх по крутизне, на вершине которой легко было уже взять стену, — Иосиф, опасаясь за судьбу города, во главе всего гарнизона сделал вылазку. Тесными рядами иудеи бросились на римлян и отбросили их далеко от стены, выказав при этом много примеров храбрости и отваги; впрочем, сколько они причинили вреда, столько же они и потерпели сами, ибо в той же мере, в какой иудеев ожесточало отчаяние, римлян подзадоривало честолюбие; последним помогала в бою военная опытность в соединении с силой, а первым — смелость в связи с ожесточением. По окончании сражения, длившегося целый день, иудеи предались ночному покою; они ранили массу римлян и 13 человек убили, на их стороне было 17 убитых и 600 раненых.

На следующий день они сделали вторую вылазку против римлян и боролись с еще большим упорством: сопротивление, оказанное ими сверх ожидания врагу в предшествовавший день, сделало их еще более смелыми; но и римляне защищались сильнее; удар, нанесенный их честолюбию, ожесточил их до крайности, так как им казалось равносильным поражению то, что они не сразу победили. До пятого дня продолжались непрерывные выступления римлян, равно как ожесточенные вылазки и борьба со стеной со стороны иотапатцев: ни иудеи не робели перед превосходством сил римлян, ни римляне не могли остановиться перед трудностями покорения города.

Иотапата почти вся расположена на отвесной скале; со всех сторон ниспадают столь глубокие пропасти, что, когда всматриваешься в эти бездны, глаз от утомления не проникает до глубины; только с северной стороны, где город спускается по склону горы, он бывает доступен; но и эту часть Иосиф окружил укреплениями для того, чтобы возвышающийся над ней горный хребет не мог бы быть занят неприятелем. Прикрытый со всех сторон другими горами, город оставался совершенно невидимым до тех пор, пока не приходили в непосредственную близость его. Так была укреплена Иотапата.

Но Веспасиан хотел побороть и природу местности, и отвагу иудеев; он решил поэтому усилить осаду и собрал начальников для обсуждения способа нападения. Когда же принято было решение воздвигнуть вал [насыпь, далее изменено] против доступной стороны стены, Веспасиан разослал все войско для добывания строевого материала. Горные леса вокруг города были срублены, и кроме леса доставлено также бесчисленное количество камней. Для защиты от стрельбы, производившейся сверху вниз, были натянуты на столбах ивняковые плетни, под прикрытием которых солдаты, не подвергая себя опасности от стрел, которые летели со стены, работали над насыпью. Еще одна часть войска раскапывала ближайшие холмы и постоянно перевозила землю. Так, делясь на три отряда, все войско занято было работами. Иудеи, со своей стороны, бросали на защитительные кровли римлян большие обломки скал и разного рода стрелы, которые если и не убивали рабочих, то, во всяком случае, мешали им своим непрерывным и страшным гулом.

Тогда Веспасиан велел расставить кругом метательные машины, которых войско имело 160 штук, и стрелять в тех, которые занимали стены. Катапульты бросали свои копья, баллисты — камни весом в один талант, пылающие головни и густые кучи стрел, которые не только делали стену недоступной для иудеев, но и отрезали от них еще некоторое пространство перед стеной, потому что одновременно с машинами стреляли и многочисленные арабские стрелки и все метатели копий и камней. Не имея возможности сопротивляться со стены, иудеи между тем

не оставались праздными. Маленькими группами на разбойничий манер они делали вылазки, срывали защитительные кровли и убивали незащищенных рабочих; там, где последние были обращены в бегство, они разрушали насыпь и сжигали сваи вместе с покоившимися на них крышами. Так продолжалось до тех пор, пока Веспасиан не понял, что причина этого зла кроется в расстоянии, отделяющем сооружения, так как проходы между ними доставляют иудеям свободный к ним доступ, и не приказал связать между собою защитительные кровли. Создав этим самым сообщение для отрядов, он отныне положил конец дальнейшим нападениям иудеев.

Насыпь между тем все более вырастала и достигла уже почти высоты стенных зубцов. Иосиф видел, как велика будет опасность, если он со своей стороны не примет мер для спасения города; он созвал мастеров и приказал им возвысить стену; когда же те заявили о невозможности работать под постоянным градом стрел, он придумал для них следующее укрытие. Он приказал соорудить столбы и расположить на них только что стянутые с волов шкуры: камни из метательных машин в них задерживались, стрелы скользили по их поверхности, а головни, вследствие мокроты шкур, теряли свою опасность. Под этой кровлей мастера беспрепятственно могли работать день и ночь, довести высоту стены до 20 локтей, построить на ней многочисленные башни и соорудить еще крепкий бруствер. Все это удручающим образом действовало на римлян, мнивших уже себя столь близкими к цели; они изумлялись изобретательности Иосифа и присутствию духа осажденных.

Сам Веспасиан был страшно озлоблен этой хитрой выдумкой и смелостью иотапатцев. Последние же, ободренные новыми сооружениями, начали возобновлять свои прежние вылазки. Схватки между отдельными отрядами, всякого рода разбойничьи нападения, похищение у неприятеля всего, что только было возможно, и сжигание осадных сооружений опять сделались повседневным явлением. Веспасиан решил наконец прекратить всякую борьбу и, держа город в осаде, заморить его голодом. Он предполагал одно из двух: или жители вследствие недостатка необходимей-

ших жизненных продуктов будут вынуждены просить о пощаде, или же если они доведут свое упорство до крайности, то погибнут от голода; во всяком случае, он надеялся гораздо легче победить их в бою через некоторый промежуток времени, когда он нападет на истощенных и обессиленных. На первых же порах он ограничился тем, что приказал охранять все входы и выходы города.

Хлеба и всех других припасов, кроме соли, осажденные имели в изобилии; зато ощущался недостаток в воде, так как в городе не было никаких источников и жители его перебивались обыкновенно дождевой водой. Но в летнее время дождь в той местности — редкое явление; а так как осада выпала именно в это время года, то при одном воспоминании об угрожающей жажде жители теряли головы и были так удручены, как будто запасы воды уже иссякли. Ибо Иосиф, снабдив город всем необходимым и заметив бодрый дух жителей и готовность их затянуть, вопреки ожиданиям римлян, осаду на продолжительное время, выдавал воду в определенном размере. Вот это сбережение казалось им более тягостным, чем действительный недостаток; не имея возможности пить в свое удовольствие, они еще больше желали и пили воду, точно уже изнемогали от жажды. Это обстоятельство не ускользало от внимания римлян: они видели с возвышений, как жители города стекались к одному определенному месту, где им вода выдавалась по мере. Туда же они и направляли свои машины и многих лишали жизни.

Веспасиан еще надеялся, что цистерны вскорости иссякнут и тогда сдача города будет неизбежна. Чтобы отнять у него эту надежду, Иосиф приказал многим жителям погрузить свою одежду в воду и затем развесить ее на стенные брустверы, так что по всей стене потекла вода. Это ужаснуло римлян и лишило их бодрости: они увидели вдруг, что те, которые, по их мнению, нуждаются в глотке воды, расточают такую массу ее для насмешки. Тогда и полководец потерял надежду на покорение города голодом и жаждой и вновь принялся за оружие. Это вполне соответствовало желаниям иудеев: отчаявшись в собственном спасении и спасении города, они, конечно, предпочитали смерть в бою смерти от голода и жажды.

Кроме названной хитрости Иосиф выдумал еще другую для доставления себе жизненных припасов. Через одно непроходимое и поэтому менее охраняемое караулами ущелье на западной стороне долины он завязал через послов письменные сношения с иудеями в окрестностях и таким образом получал в избытке те продукты, которых недоставало в городе. При этом он приказывал своим послам ползком прокрадываться мимо караулов и прикрывать спину шкурами для того, чтобы стражники если и заметят их ночью, то принимали бы их за собак. Но однажды эта хитрость была обнаружена, и охрана ущелья усилена.

<...> От этих слов он перешел к делу, сделал вылазку во главе отборных бойцов, обратил в бегство неприятельские аванпосты, протеснился до самого лагеря римлян, разрушил кровли, под которыми укрывались строители шанцев, и бросил пылающие головни в их Сооружения. Повторяя то же самое на второй и третий день, он еще несколько дней и ночей подряд провел в безустанной борьбе.

От этих вылазок римляне терпели много вреда: отступать перед иудеями они стыдились, когда же те отступали, они, вследствие тяжести своего вооружения, не могли их преследовать; таким образом, иудеи, причиняя им потери без всякого урона для себя, могли каждый раз возвращаться в город. Ввиду этого Веспасиан приказал своим тяжеловооруженным отступать перед нападением иудеев и не вступать больше в бои с людьми, ищущими смерти; ибо ничто не делает более храбрым, как отчаяние; но боевая горячка охлаждается сама собою, если предложенная цель не достигается, подобно тому, как гаснет огонь за недостатком горючего материала. Кроме того, римлянам подобает вообще верным путем идти к победе, тем более что они ведут не оборонительную войну, а наступательную. Ввиду этого он возложил отражение неприятельских нападений по большей части на арабских стрелков и сирийских пращников и камнеметателей. При этом, разумеется, оставлены были в деле также и многочисленные тяжелые орудия. Перед этими последними иудеи отступали хотя с потерями, но, вступив в линию полета стрелы, они с яростью бросались на римлян и сра-

жались не на жизнь, а на смерть. Выбитые из строя с обеих сторон пополнялись каждый раз свежими силами.

По продолжительности времени и многочисленности вылазок Веспасиану могло казаться, что он сам находится в осаде. А так как насыпь приближалась уже к стене, то он решил поставить „баран". Это — чудовищная балка, похожая на корабельную мачту и снабженная крепким железным наконечником наподобие бараньей головы, от которой она и получила свое название; посередине она на толстых канатах подвешивается к другой поперечной балке, покоящейся обоими своими концами на крепких столбах. Потянутый многочисленными воинами назад и брошенный соединенными силами вперед, он своим железным концом потрясает стену. Нет той крепости, нет той стены, которая была бы настолько сильна, чтобы противостоять повторенным ударам „барана", если она и выдерживает первые его толчки. Этим орудием начал наконец действовать римский полководец: он спешил взять город силой, так как медленная осада при большой подвижности иудеев приносила ему только потери. Римляне притащили свои каменометни [каменометы] и остальные метательные орудия ближе к городу, чтобы стрелять в тех, которые окажут сопротивление со стены; точно так же выдвинулись вперед густыми массами стрелки и пращники. В то время, когда никто таким образом не мог осмелиться взойти на стену, одна часть солдат притащила сюда „баран", который для защиты рабочих и машин был покрыт сплошной кровлей, сплетенной из ив и обтянутой сверху кожами. При первом же ударе стена задрожала и внутри города раздался страшный вопль, точно он уже был покорен.

Когда Иосиф увидел, что римляне всегда ударяют в одно и то же место стены и последняя была уже близка к обрушению, он придумал средство, чем парализовать силу машины. Он приказал своим людям набить мешки мякиной и опускать их каждый раз на то место, к которому прицеливался „баран", для того чтобы изменять его направление и мягкостью мешков ослаблять силу ударов. Это в значительной степени тормозило успех римлян, так как стоявшие на стене каждый раз направляли туда, куда метала машина, мешки, которые настолько противодей-

ствовали ударам, что тяжесть их не причиняла стене никакого вреда. Наконец римлянам пришла мысль привязать впереди к длинным столбам серпы, которые отрезали мешки. Так как таран вследствие этого вновь приобрел свою силу, а стена, хотя и новопостроенная, начала уже колебаться, то Иосиф со своими людьми прибегли отныне к другому защитительному средству — к огню. Они собрали сколько могли сухих дров, сделали вылазку тремя отдельными партиями и подожгли машины, защитные кровли и шанцы римлян. Последние оказали лишь слабое сопротивление, отчасти потому, что смелость осажденных лишила их самообладания, отчасти потому, что вспыхнувшее пламя предупредило возможность защиты: сухие дрова в связи с асфальтом, смолой и серой распространили огонь с невообразимой быстротой. В один час все постройки, с таким трудом сооруженные римлянами, были превращены в пепел.

При этом случае достопамятным образом отличился также один иудей по имени Элеазар, сын Самая, родом из Саавы в Галилее. Он поднял чудовищной величины камень и с такой ужасающей силой бросил его с высоты стены на таран, что отрубил машине голову; тогда он соскочил вниз, поднял ее чуть ли не из-под рук неприятеля и с замечательным спокойствием понес ее на стену. Но враги все разом направили на него свое оружие, и так как он ничем не был вооружен, то в его тело вонзилось пять стрел. Нисколько, однако, об этом не печалась, он стал на стену, куда, вследствие его геройского подвига, были обращены все взоры, но вскоре после этого, скривившись от смертельной боли, упал со стены с „бараньей" головой в руках. Такими же по храбрости показали себя оба брата, Нетир и Филипп, из деревни Румы, тоже галилеяне. Они налетели на солдат десятого легиона и с такой неудержимой яростью бросились на римлян, что разорвали их сомкнутые ряды и всех встретившихся им на пути обратили в бегство.

Вслед за ними бросился Иосиф во главе остального войска с целой массой пылающих головней, поджег машины, равно как и плетеные кровли и свайные постройки бежавших пятого и десятого легионов, в то время когда другие быстро уничтожали инструменты и всякие строи-

тельные материалы. К вечеру, однако, римляне снова установили таран и направили его опять против того же места стены, которое прежде подвергалось ударам. В это время один из защитников стены выстрелил в Веспасиана и ранил его в стопу; рана хотя была легкая, так как выстрел вследствие отдаленности пространства потерял свою силу, тем не менее римляне пришли от нее в ужас. Ближайшие к Веспасиану немало встревожились при виде его крови, и их душевная тревога сообщилась всему войску, по которому быстро разнеслась весть о ранении полководца. Большинство солдат, оставив осаду, в страхе и отчаянии столпились вокруг него. Тит, озабоченный участью отца, первый прибыл на место. Страшное уныние, вызванное как преданностью войска своему полководцу, так и душевным потрясением его сына, воцарилось в лагере. Скоро, однако, успокоил отец глубоко опечаленного сына и взволнованных солдат. Подавив физическую боль и стараясь показать всем перепуганным солдатам, он этим еще больше воспламенил их рвение на борьбу с иудеями. Каждый хотел теперь как мститель полководца быть первым в бою, и, воодушевляя друг друга боевыми кликами, они все вместе с неукротимой яростью ринулись против стены.

Хотя люди Иосифа один за другим падали, пораженные катапультами и баллистами, они тем не менее не давали себя прогнать со стены, а кидали горящие головни, куски железа и камни против тех, которые, укрываясь под кровлями, действовали „бараном“. Но, терпя потери за потерями, они не достигали никакого результата или лишь самого незначительного, так как, находясь на виду у неприятеля, сами не могли его видеть. Освещенные горящими в их собственных руках головнями, они ночью, как и при дневном свете, служили верной целью для врагов, между тем как сами не могли избежать стрел от машин, остававшихся для них невидимыми за дальностью расстояния. Действие „скорпионов“ и катапульт губило многих сразу; тяжесть извергнутых ими* масс камней срывала

* Иосиф Флавий здесь имел в виду *баллисты* (см. описание ниже в этом же абзаце); *скорпионы* и *катапульты* стреляли стрелами (болтами), а не камнями.

брустверы со стены, разбивала углы башен. Нет такого многочисленного отряда, который не был бы разбит до последнего воина силой и величиной такого камня. О мощи боевых орудий можно судить по некоторым случаям, имевшим место в ту ночь. Одному из людей Иосифа, стоявшему на стене, камнем сорвало голову, причем череп был отброшен на расстояние трех стадий [550 м] от туловища. На рассвете беременная женщина, только что покинувшая свой дом, была застигнута камнем, который вырвал у нее дитя из утробы и отбросил его на полстадии [90 м]. Так велика была сила баллист. Еще ужаснее были грохот орудий, свист и гул стрел. Беспреданно раздавалось сотрясение земли от падавших на нее со стены трупов; внутри города подымался каждый раз душераздирающий крик женщин, с которым смешивались доносившиеся извне стоны умирающих. На том месте, где кипела битва, вся стена текла кровью и на нее можно было взбираться по одним только человеческим трупам. Общий гул еще усиливался и делался более ужасным от эха, раздававшегося с окрестных гор, и все, что только может быть страшным для зрения и слуха, совершалось в ту ночь. Многие из защитников Иотапаты умерли в эту ночь героической смертью, многие были ранены. К утру стена только еле начала поддаваться непрерывно действовавшим орудиям. Но прежде, чем римляне установили штурмовые лестницы, один из отрядов Иосифа, который был хорошо вооружен и защищен панцирями, воздвигнул новую стену рядом с разрушенной.

Утром Веспасиан, после краткого отдыха от напряженных ночных трудов, повел свое войско на приступ. Для того чтобы прогнать защитников с обвалившихся частей стены, он приказал храбрейшим своим всадникам слезать с коней и, вооруженным с ног до головы, с простертыми вперед копьями, построиться в три линии против обвала, чтобы первыми вторгнуться, когда будут установлены подъемные мосты. Позади них он поставил отборную часть пехоты; остальных всадников он расставил вдоль стены на всей горе кругом для того, чтобы при штурме крепости никто не мог бы тайно бежать; сам в тылу он разместил в том же порядке стрелков с приказанием держать

оружие наготове, точно так же и пращников и тех, которые прислуживали машинам. Других, снабженных лестницами, он назначил для нападения на уцелевшие части стены с той целью, чтобы часть осажденных была отвлечена от защиты поврежденных мест стены, и тогда другую часть защитников легче будет прогнать стрельбой.

Иосиф угадал этот план и поставил на сохранившиеся части стены усталых воинов и стариков в том предположении, что здесь им не будет причинено никакого вреда; на разрушенные же части стены он поставил, напротив, сильнейших воинов и во главе их назначал каждый раз других шесть начальников, чередуясь и сам с ними на опаснейших местах. Он приказал им заткнуть себе уши, чтобы не испугаться боевых кликов легионов; для защиты от массы стрел — опускаться на колени, прикрываясь поднятыми вверх щитами, и даже подаваться немного назад до тех пор, пока стрелки не опорожняют своих колчанов; но как только римляне наведут мосты, тогда сразу ударить на них и броситься навстречу врагу по его же собственному сооружению. Пусть каждый пойдет на бой не во имя спасения своего города, а чтобы мстить теперь уже за его гибель; пусть они представят себе, как враги вскорости будут убивать стариков и резать женщин и детей, и пусть теперь же обратят всю свою ярость против тех, которые совершат над ними все эти ужасы.

<...> В то же время загремели трубы всех легионов, войско подняло потрясающий боевой клич, и по данному сигналу раздался со всех сторон залп орудий, так что воздух помрачился. Но люди Иосифа, помня его наставления, защитили уши от крика и тела от выстрелов; когда же наброшены были наступательные мосты, они ринулись по ним навстречу воинам, прежде чем последние успели ступить ногой на эти мосты. В завязавшемся здесь рукопашном бою с римлянами они совершали чудеса силы и мужества, стремясь в своем безнадежном положении не уступать в храбрости менее угрожаемому противнику. Они не отступали от римлян до тех пор, пока или сами не падали, или не поражали врага. Но так как иудеи, уставая от непрерывной борьбы, не могли пополняться свежими силами, в то время когда ослабевавшие римляне каждый раз

сменялись новыми отрядами и на место отбитых сейчас же выступали другие, то последним удалось, ободряя друг друга боевыми кликами, сплываясь в сомкнутые ряды, прикрываясь сверху своими щитами, образовать одну непроницаемую массу. Всей фалангой, точно они срослись в одно тело, они оттеснили иудеев назад и были уже близки к тому, чтобы взобраться на стену.

В эту страшную минуту Иосифа надоумила нужда (прекрасная изобретательница, когда отчаяние изощряет находчивость человека) лить на прикрытых щитами солдат кипящее масло. Многие из его людей имели этот материал под руками в больших количествах, словно они запаслись им еще заранее, и со всех сторон полили его на римлян, швыряя в них также и горячо накаленную посуду. Это обожгло римлян и привело их в смятение; под ужасными мучениями они падали вниз со стены, ибо масло и под вооружением легко протекало по всему телу, от головы до пяток, и обжигало кожу, как пламя, так как масло по природе своей быстро нагревается и благодаря содержанию в нем жира медленно остывает. Обтянутые своими панцирями и шлемами, римляне не могли освободиться от жгучего масла; прыгая и корчась от боли, они падали с мостов; те, которые бежали назад, сталкиваясь с напиравшими вперед товарищами, были легко побеждены поражающими их с тыла иудеями.

Римлян в их несчастье не покидала, однако, сила, точно так, как иудеев находчивость. Видя перед собой ужасные страдания облитых, они тем не менее теснились вперед против обливавших их иудеев, и каждый проклинал предшествовавшего ему в строю, мешавшего ему развернуть свои силы. Иудеи, со своей стороны, чтобы удержать этот новый натиск, прибегли к другой хитрости: они высыпали на доски сваренное греческое сено, по которому римляне, скользя, скатывались вниз. Ни те, которые отступали назад, ни другие, которые стремились вперед, не могли удержаться на ногах, но одни, отброшенные назад на мосты, были растоптаны, а другие в большом числе падали вниз, на насыпь, и здесь были расстреляны иудеями, так как последние при падении римлян освободились от рукопашного боя и могли теперь употребить свои стрелы.

К вечеру полководец приказал солдатам, сильно пострадавшим во время штурма, прекратить битву. Немало легло в этой битве и еще больше было ранено; из иотопатцев пало мертвыми шесть человек, а унесено раненых свыше 300. Это сражение произошло на двадцатый день десятилетия.

Когда Веспасиан, ввиду понесенного поражения, хотел утешить свое войско, он нашел его страшно озлобленным и нуждающимся не в ободрении, но в новом деле. Он велел поэтому еще выше поднять насыпь и воздвигнуть три башни, вышиной в 50 футов [15 м] каждая, и обить их со всех сторон железом для того, чтобы они были огнеупорны и вследствие своей собственной тяжести устойчивы. Эти башни он построил на насыпи и поместил на них копьemetателей, стрелков и более легкие метательные машины, к тому же еще и сильнейших пращников. Скрываемые от глаз иудеев вышиною и брустверами башен, римляне со своей стороны могли все-таки видеть тех, которые стояли на стене, и поражать их стрелами. Иудеи же, не имея возможности спастись от летевших сверху стрел и защищаться от невидимых врагов, видя также, что с ручными стрелами они с трудом достигают высоты башен и не могут сжечь их стены, обложенные железом, побросали стену и делали вылазки против тех, которые шли на приступ. Так держались иотопатцы. Ежедневно многие из них погибали. Не имея возможности вредить неприятелю, они должны были ограничиваться тем, что с большими жертвами удерживали его подалеже от себя.

<...> Между тем как иотопатцы против ожидания все еще держались и, несмотря на все ужасы осады, оставались твердыми, насыпь римлян превысила наконец, на 47-й день, городскую стену. Тогда, в тот же день, пришел к Веспасиану перебежчик, который представил ему, как слабы и малочисленны осажденные и как они, изнуренные от постоянного бодрствования и беспрестанной борьбы, не могут противостоять энергичному наступлению. „Хитростью, — продолжал перебежчик, — если к ней прибегнуть, было бы легко овладеть ими, ибо после целой ночи бодрствования, когда они рассчитывают найти отдых от своих бедствий и утренний сон сомкнет глаза

истомленных, тогда погрузятся в глубокий сон также и часовые”, — вот этот час он советовал избрать для нападения. Веспасиан, собственно, не доверял перебежчику, так как он знал взаимную верность иудеев и видел, как равнодушно они относятся к наказаниям. Ибо раз уже был случай, что пойманный иотопатец выдержал все ужасы пытки, принял, улыбаясь, мученическую смерть на кресте, но не проронил пристававшим к нему с огнем врагам ни единого слова о внутреннем положении города. Однако искренний тон его показаний внушал доверие к этому изменнику; Веспасиан подумал: быть может, он и в самом деле говорил правду, во всяком случае если в этом кроется коварство, то оно не может иметь для него особенно пагубных последствий. Ввиду этого он, отдав перебежчика под стражу, приказал войску приготовиться к штурму.

В указанный час римляне неслышно приблизились к стене. Тит с трибуном Домицием Сабиним и некоторыми воинами из пятого и десятого легионов первые взойшли на нее. Убив часовых, они тихо заняли город. Вслед за ними трибун Секст Цереалий и Плацид ввели в город свои войска. Крепость была занята, враг стоял посреди города, и уже утро настало, а осаждаемые все еще ничего не подозревали; большая часть жителей была обессилена усталостью и сном. Густой туман, спустившийся над городом как раз в то утро, помрачал глаза тех, которые просыпались; и лишь тогда, когда все войско входило в город, они поднялись — поднялись для того, чтобы увидеть свое несчастье и уже под смертельными ударами неприятельского меча убедиться в действительном покорении города. Римляне, помня свои страдания во время осады, не знали теперь ни жалости, ни пощады: они убивали народ, оттесняя его с крутой крепости вниз. Неблагоприятные условия местности отняли у тех, которые еще были способны к бою, всякую возможность самообороны: стиснутые на узких улицах, скользя на отлогих местах, они были давлены бросившимися на них с крепости воинами. Это побуждало многих, даже самых отборных солдат Иосифа, на самоумерщвление. Не будучи в состоянии убить хотя бы одного римлянина, они, чтобы по меньшей мере не

быть убитыми неприятелем, собирались на краю города и сами себя закалывали.

Те из боевой стражи, которые, при первом открытии неприятеля в стенах города, успели спастись в одну из северных башен, некоторое время сопротивлялись, но, окруженные наконец со всех сторон, они добровольно отдали себя на заклатие ворвавшимся солдатам. Римляне могли бы похвастать, что конец осады не стоил им ни одной капли крови, если бы при взятии города не пал один центурион, по имени Антоний. Он погиб благодаря измене: один из скрывавшихся в пещере — таких было много — просил Антония протянуть ему руку как залог дарования ему жизни и чтобы вместе с тем помочь ему вылезть наверх. Антоний был настолько неосторожен, что подал ему свою руку, а тот в это время снизу вонзил ему в подбрюшную полость копье и умертвил его.

В тот день римляне уничтожали только те массы людей, которые попадались им на глаза; в следующие же дни они осматривали все норы и лазейки и преследовали скрывавшихся в пещерах и подземных ходах, не щадя при этом никакого возраста и оставляя в живых одних только женщин и младенцев; они собрали всего 1200 пленных. Общее же число убитых при взятии города и в предшествовавших сражениях составляло 40 тысяч. Веспасиан приказал скрыть город до основания и сжечь все его укрепления. Так пала Иотапата на тринадцатом году царствования Нерона в первый день месяца панема» [Иосиф Флавий. Иудейская война, III, 7, 3—36].

ОСАДА АМИДЫ (359 г. н.э.)

ОСАДА персами города Амиды в 359 г. н.э. интересна осадной техникой персов и позднеармянской оборонительной тактикой. В ходе осады использовались насыпи, осадные башни, обшитые железом, метательные машины и даже боевые слоны. Стены, окружавшие Амиду (совр. Дийярбакир), позднее не раз перестраивались, но неприступная восточная стена, расположенная над глубокой пропастью,

сохранилась почти такой же, какой она была в IV в. н.э. Увлекательное описание осады оставил нам участник этих событий Аммиан Марцеллин:

«Между тем персы спешно окружали город фашинным бруствером и начали возводить валы [насыпи]. Они строили высокие башни с железной фронтальной частью и наверху помещали по одной баллисте, чтобы сбивать защитников с зубцов стен. В то же время пращники и стрелки ни на миг не прекращали перестрелки. С нами были два легиона Магненция, недавно, как я сказал выше, переведенные из Галлии, — люди храбрые, ловкие и умелые в бою на открытом поле; но для того рода войны, на который были обречены мы, они были не только непригодны, но и сами создавали большие затруднения. Они не только не помогали никому на машинах и при проведении работ по обороне, но делали бессмысленные вылазки, храбро вступали в бой и возвращались в меньшем числе, принося столько пользы, сколько приносит, по пословице, на огромном пожаре вода, доставленная в пригоршне одного человека. Наконец, когда ворота были крепко заперты и трибуны запретили выходить, они, будучи лишены возможности делать вылазки, в ярости скрежетали зубами, как дикие звери. Но в следующие дни они блистательно отличились своей храбростью, как я о том сейчас расскажу.

На отдаленном выступе южной части стен, которая обращена к реке Тигру, находилась высокая башня; под ней зияла такая пропасть, что нельзя было смотреть вниз без сильного головокружения. С самого низа этой пропасти по подземному, пробитому внутри скалы, ходу вела лестница в город, чтобы можно было тайком брать воду из русла реки. Эта лестница была высечена с большим искусством, которое я видел во всех больших крепостях того края, прилегающих к рекам. Один перебежавший к персам горожанин провел через этот темный ход, который оставался без особой охраны из-за его малой доступности, семьдесят персидских стрелков из царской гвардии, людей испытанных и смелых. В тишине отдаленного места в полночь внезапно поднялись они один за другим до третьего этажа башни. Там они спрятались и на рассвете подняли плащ пурпурного цвета, что служило сиг-

налом для начала боя. Когда они увидели, что их войска со всех сторон плотной массой окружают город, они сняли колчаны, бросили их к ногам своим и, подняв вой, стали посылать стрелы с величайшим искусством. Вслед за тем все силы врага густой толпой с большим, чем прежде, ожесточением двинулись на город. Сначала мы были в колебании и нерешительности, против кого нам следует прежде всего обратиться — против стоящих наверху или против того множества, которое, поднимаясь по приставным лестницам, уже овладевало парапетами стены. Но затем мы разделились: пять более легких баллист было переставлено и направлено против башни; сыпавшиеся из них деревянные стрелы пронзали иногда двух человек разом; одни, будучи тяжело ранены, падали вниз, другие, бросаясь с высоты в страхе перед скрипящими орудиями, разбивались насмерть. Быстро справившись в этом пункте и установив орудия на обычных местах, мы все уже с большей уверенностью обратились к защите стен. Преступное деяние перебежчика усилило раздражение солдат, и они бросали метательные снаряды всякого рода своими мощными руками с такой силой, как будто действовали на открытом поле. К полудню варварские полчища были отброшены и понесли тяжелый урон и, оплакивая смерть многих товарищей, в страхе отступили назад, к своим палаткам.

То была как бы ласковая улыбка нам Фортуны, когда мы прожили день без ущерба с нашей стороны при больших потерях у неприятеля. Остаток этого дня посвятили мы отдыху и сну. На рассвете следующего дня мы увидели с акрополя огромную толпу, которую гнали во вражеский стан после взятия укрепления Зиаты. В эту крепость, весьма большую и хорошо защищенную — в окружности она имела десять стадий [около 1800 м], — собрался всякий народ. И другие укрепленные места были взяты в те дни и преданы огню. Много тысяч людей было оттуда выведено, и они шли теперь в рабство; среди них было много дряхлых стариков и престарелых женщин. По той или иной причине доходили многие до полного истощения сил, утомившись из-за продолжительного пути, и если теряли силы жить, то их бросали по дороге, надрезав им икры или пятки.

При виде этой жалкой толпы людей галльские солдаты в порыве понятном, но несвоевременном потребовали, чтобы им была предоставлена возможность сразиться лицом к лицу с неприятелем. На запрет со стороны трибунов и старших они отвечали угрозой убить их. И, как зубастые звери в клетках, разъяренные запахом еды, бьются в надежде выбраться о вращающиеся прутья, так и они рубили мечами ворота, которые, как я сказал, были заперты. Их тревожило опасение, что они погибнут после взятия города, не совершив никакого блестящего дела; или если он спасется от опасности, то не будет упомянуто, что они совершили нечто достойное галльской отваги, хотя и прежде часто во время своих вылазок, когда они делали попытки помешать сооружению валов, неся смерть в ряды врага, совершали они достойные галльской славы подвиги. Мы не знали, на что решиться, и недоумевали, какую преграду можно воздвигнуть их неистовству, и вот на чем остановились, с трудом добившись от них на то согласия. Так как их уже невозможно было удержать, ^то им было разрешено спустя некоторое время напасть на сторожевые посты неприятеля, которые были расположены на расстоянии немного больше дальности полета стрелы, и, прорвав их, двинуться дальше. Было ясно, что если им выпадет удача, то они произведут страшную резню среди неприятеля. Пока они готовились к вылазке, мы деятельно принимали всякие меры к защите стен, расположив сторожевые посты и орудия так, чтобы во все стороны метать стрелы и камни. Взятие города подготавливалось последовательным возведением осадных сооружений: две огромные насыпи были воздвигнуты руками пехоты персов. Против них наши с величайшим старанием воздвигли высокие сооружения, которые равнялись по высоте вражеским насыпям и могли выдержать тяжесть великого множества защитников.

Между тем галлы, с трудом дождавшись назначенного срока, опоясались секирами и мечами и вышли через боковые ворота, вознося к Богу молитвы о благоволении и помощи. Ночь была темная и безлунная. Задерживая дыхание, приблизились они к неприятелю, соединились в тесный строй и бросились бежать. Они перебили несколько

передовых постов, затем напали на внешние караулы лагеря, которые, не предвидя никакой опасности, покоились во сне; избивая их, они втайне помышляли уже о том, чтобы в случае удачи подойти к самой ставке царя. Но шум их шагов, хотя и легкий, и стоны убитых разбудили многих: они вскочили, каждый выкрикивал призывы к оружию, и наши воины остановились, не смея двинуться дальше. Раз те, на кого была устроена засада, уже проснулись, то не имело смысла подвергаться открытой опасности, тем более что со всех сторон спешно подходили на бой отряды разъяренных персов. Галлы, крепкие телом и отважные, держались несокрушимо, сколько могли, и рубили мечами противника. Но часть их была перебита или изранена летевшими отовсюду стрелами. Увидев, что занимаемому ими месту грозит опасность со всех сторон и что отовсюду сбегаются вражеские войска, галлы начали отступление, не поворачиваясь, однако, тылом. Не будучи в состоянии сдержать натиск все яростнее наступавших неприятельских отрядов, они были мало-помалу вытеснены за вал и отступали, шагая как бы в такт звукам лагерных труб. В городе тоже зазвучали рога, и открылись ворота, чтобы впустить своих, если они будут в силах дойти туда. Метательные орудия стояли приготовленными, не выбрасывая, однако, снарядов, чтобы галлы, отступая с передовых отрядов после гибели товарищей, не остались в неведении, где за ними стены, и чтобы было можно принять храбрецов невредимыми в ворота. Благодаря этой хитрости галлы недалеко перед рассветом вошли в ворота — правда, потерпев потери. Некоторые были тяжело ранены, другие — легко; общие потери были четыреста человек. Не Реза, не фракийцев, стоявших лагерем под стенами Трои, но самого царя персов, охраняемого сотней тысяч воинов, могли бы они убить в его собственной палатке, если бы не помешали тому неблагоприятные обстоятельства. После гибели города император приказал воздвигнуть их кампидукторам [низший офицерский чин, пришедший на смену центурионам древнего времени], как виновникам этих храбрых деяний, в Эдессе на людном месте статуи в боевом вооружении, которые и доселе сохраняются в целости.

На следующий день выяснились потери персов; среди убитых оказались вельможи и сатрапы. Нестройные крики и вопли, раздававшиеся в разных местах, обнаруживали эти потери; повсюду слышны были скорбные возгласы царей, полагавших, что римляне прорвались через стоявшие у стен города передовые посты. По соглашению обеих сторон заключено было перемирие на три дня, и мы получили возможность перевести дух.

Неожиданность этого нападения поразила и озлобила неприятеля. Так как взять город силой не удавалось, то, оставив всякое колебание, они уже решились довершить дело с помощью осадных сооружений. Воинский пыл был возбужден до крайности: все готовы были погибнуть славной смертью или разрушением города справить тризну по убитым.

Работы были доведены до конца при всеобщем воодушевлении, и на рассвете стали продвигать к стенам сооружения разного рода с окованными железом башнями. На верхних этажах были установлены баллисты, которые сметали стоявших ниже защитников. С рассветом железные доспехи закрыли от нас весь горизонт, и боевая линия в тесном строю стала надвигаться не беспорядочно, как прежде, но равномерно под тихий звук труб; их прикрывали штурмовые крыши, а впереди находились фашины прикрывающие.

Когда, приближаясь к нам, они оказались на расстоянии выстрела, персидская пехота, с трудом отбивая щитами стрелы, летевшие из орудий со стен, раздвинула свой фронт, так как почти ни один снаряд не падал понапрасну. Даже катафракты пришли в расстройство и своим отступлением придали нашим бодрости.

Но неприятельские баллисты, поставленные на окованных железом башнях, стреляли сверху вниз, и неравному положению соответствовал неодинаковый результат: на нашей стороне кровь лилась ручьями. Когда с наступлением вечера обе стороны позволили себе отдохнуть, большая часть ночи употреблена была на то, чтобы придумать какой-нибудь способ борьбы с грозным бедствием.

Так и сяк рядили мы и наконец остановились на решении, которое являлось самым надежным благодаря воз-

можности быстрой реализации, а именно, мы решили против тех четырех баллист выставить скорпионы [онагры]*. Перенеся их с другого места, мы принялись со всей тщательностью за их установку, что требует большого искусства. Тут начался горестный для нас день, который осветил нам полчища персов с целым строем слонов, рев и ужасный вид которых являются самым страшным, что может себе представить человек. Со всех сторон нас теснили вооруженные люди, осадные сооружения и громады этих зверей. Но из железных пращей скорпионов [онагров] с зубцов стены полетели круглые камни на башни неприятеля; ими разбиты были скрепы башен, и баллисты вместе со своей прислугой полетели вниз, так что одни погибли от падения, даже не будучи ранены, другие нашли смерть под обрушившимися на них обломками. Слоны также были отброшены: на них мы со всех сторон бросали брандеры [зажигательные снаряды]. Когда огонь коснулся их тела, они попятились назад, и вожаки не могли их сдерживать. Сожжены были, наконец, и сами осадные машины. И тем не менее бой не прекращался. Царь персидский, который обычно не участвует лично в битве, так распалился от этих неудач своих войск, что сам, как простой солдат — неслыханный дотоле случай, — бросился в густую толпу своих, и так как даже издали можно было различить его по огромной свите телохранителей, то на него было направлено множество выстрелов. Перебито было много людей из его свиты; сам он остался невредим и деятельно перестраивал ряды своих. До самого конца дня не устрасил его ужасный вид стольких убитых и раненых, и только с наступлением ночи разрешил он своим войскам краткий отдых.

Ночь развела сражающихся, и мы освежили свои силы кратким сном. А когда заблистал день, царь, распаленный гневом и досадой, желая достигнуть намеченной цели и не сдерживаясь никакими соображениями человечности, погнал на нас свои полчища. Осадные башни персов были, как я сказал выше, сожжены; они поэтому попыта-

* Скорпионами Аммиан Марцеллин по старинке называет онагры (см. главу «Осадная техника»).

лись вести бой с ближайших к стенам высоких насыпей. Но наши напрягли все силы и соорудили внутри стен высокие дамбы [насыпи]; оттуда они оказывали сопротивление, не уступая врагу в этом трудном положении.

Кровавый бой длился долго, и страх смерти никого не удерживал от боевого задора. Мы бились все с тем же упорством, но судьба бесповоротно решила исход дела: наше сооружение, долго выдерживавшее удары, провалилось, словно от сотрясения земли. Пространство, представлявшее собой глубокую впадину между стеной и возведенными врагом насыпями, выровнялось; образовалась как бы насыпь для дороги, или перекинутый через пропасть мост. Таким образом открылся для неприятеля проход, не прегражденный никаким препятствием, а большая часть солдат или была задавлена при обвале, или в изнеможении прекратила битву. Однако со всех сторон сбежались люди для отражения этой страшной опасности; но при такой спешке один задерживал другого, и отвага неприятеля росла от самого успеха. Царским повелением были созданы все грабительские шайки. Дрались лицом к лицу на мечах, с той и другой стороны кровь лилась целыми потоками, рвы заполнились телами убитых, и таким образом образовался более широкий путь. Город наполнили стремительно хлынувшие силы неприятеля, исчезла всякая надежда на бегство и всякая возможность отпора, и персы избивали, как скотину, всех вооруженных и безоружных без различия пола» [Аммиан Марцеллин, XIX, 5, 1—XIX, 8, 4].

ОСАДА ПИРИСАБОРЫ (363 г. н.э.)

ОСАДА римлянами Пирисаборы представляет собой прекрасный пример осадного искусства римлян в IV в. н.э. Находившийся в числе осажденных в Амиде Аммиан Марцеллин теперь оказался «по другую сторону баррикад» и не менее красочно описывает события, свидетелем которых он был:

«...Мы подошли к Пирисаборе, большому и весьма населенному городу, который окружен течением реки со

всех сторон, наподобие острова. Император сделал рекогносцировку города и его окрестностей и с величайшей осторожностью начал приготовления к осаде, как будто надеясь одним страхом отбить у населения охоту защищаться. Но когда после многократных попыток начать с ним переговоры никто не ответил ни на обещания, ни на угрозы, пришлось приступить к осаде. Тройная цепь вооруженных окружила стены, и в первый день до самого начала ночи шла перестрелка. Защитники были достаточно сильны и отличались воодушевлением. С бойниц они повесили повсюду сбитые из шерсти прикрытия, чтобы ослабить силу удара метательных снарядов; прикрываясь щитами, сплетенными из крепкого лозника, и покрыв их сырыми кожами, они оказывали самое деятельное сопротивление. Сами они производили впечатление людей из железа: полосы железа, точно прилаженные по форме частей тела, одевали надежным покровом весь корпус. Несколько раз они вызывали для переговоров Ормизду, как земляка и человека царской крови, а когда он приближался, осыпали его бранью и попреками, как изменника и перебежчика. На это издевательство ушла большая часть дня, а с началом сумерек были подведены различные осадные машины и наши приступили к засыпанию глубокого рва. Внимательно следившие за всем защитники заметили это при неверном вечернем освещении, и так как к тому же угловую башню пробил мощный удар тарана, то они покинули двойные стены города и заняли примыкавшую к нему цитадель. Стояла эта последняя на плоской вершине крутой горы, середина которой, поднимавшаяся вверх, составляла своими округлыми очертаниями фигуру арголического щита; только на северной стороне не хватало кое-чего до округлой линии, но здесь еще более надежную защиту представляли собой обрывы скал, спускавшихся прямо в волны Евфрата. Сооруженные из асфальта и обожженного кирпича стены — постройка, не имеющая себе, как известно, равной по прочности, — представляли сами по себе опасную угрозу. Наши солдаты, пылая боевой отвагой, прошли город, который нашли пустым, и ожесточенно сражались с горожанами, метавшими с цитадели всякие снаряды. Наши катапульты и баллисты тес-

нили защитников; но и сами они со своей высоты храбро противопоставляли им огромные луки; широкие, с обоих концов выступавшие рога этих луков стягивались очень медленно, зато спущенная сильным ударом пальцев тетива метала окованные железом стрелы с такой силой, что, впиваясь в тело противника, они пронзали его насмерть. Шел также с обеих сторон бой целыми тучами метаемых от руки камней. С равными шансами длилась жаркая битва с величайшим упорством с рассвета до начала ночи; закончилась она без решительного исхода. На следующий день возобновился упорный бой: с обеих сторон одинаковы были потери, и счастье не склонялось ни на чью сторону. Тогда император, готовый на любой риск при этих обоюдных потерях, построив клин и прикрываясь от выстрелов тесно сдвинутыми щитами, в быстром натиске бросился с отважными бойцами к вражеским воротам, которые оказались окованными толстым железом. Хотя камни, метаемые от руки из пращей, куски свинца и стрелы угрожали его жизни, но он громко приказывал своим людям пробивать створы ворот, чтобы открыть доступ в крепость, и отступил назад лишь тогда, когда понял, что тучи метательных снарядов могут его совсем засыпать. Он отошел со всеми своими людьми; лишь некоторые из них были легко ранены, сам он вернулся невредимым, но с краской стыда на лице. Он знал из истории, что Сципион Эмилиан с историком Полибием, который был родом из Мегалополя в Аркадии, и тридцатью солдатами открыл подобным нападением ворота Карфагена. Этот подвиг, с полной достоверностью описанный в древней истории, нисколько не умаляет значения события нашего времени. Эмилиан подошел к воротам под прикрытием каменной „черепахи" и, находясь в полной безопасности и сам будучи укрыт, пока неприятель не заметил это каменное сооружение, вторгся в лишенный защитников город. А Юлиан атаковал на открытом месте и отступил лишь тогда, когда небо над ним потемнело от тучи камней и снарядов.

До сих пор дело велось с торопливой поспешностью и из-за несостоятельных забот о других делах не принимались за устройство виней и осадных щитов. Но тут Юлиан приказал срочно соорудить машину, так называемый

„Гелеполис“, о которой выше было сказано, что ею пользовался Дементрий, завоевавший при ее помощи много городов, за что и был назван Полиоркетом.

С тревогой напряженно всматривались защитники в это огромное сооружение, которое должно было оказаться выше зубцов высоких башен; понимая, с какой настойчивостью ведется осада, они вдруг запросили мира и, рассеявшись по башням и зубцам стен, простирали руки в знак того, что они предаются римлянам, и просили пощадить их и даровать им жизнь. Когда они увидели, что орудия бездействуют и что осаждающие ничего больше не предпринимают, то приняли это за верный знак мира и попросили, чтобы им дана была возможность переговорить с Ормиздой. Это им было разрешено. Начальник гарнизона Мамерсид спустился по канату вниз и был отведен к императору. Получив от последнего формальное обещание, что он и его товарищи будут помилованы и им будет сохранена жизнь, как он о том просил, он был затем отпущен назад. Когда он объявил в крепости о результате своих переговоров, все жители обоих полов, поскольку были приняты все пункты требований, подтвердили заключение мира самыми страшными клятвами и, открыв ворота, вышли все с криками, в которых провозглашали, что Цезарь в своем величии и милосердии явился для них как Гений-спаситель. Насчитано было сдавшихся 2500 человек; остальное население, предполагая возможность осады, удалилось заранее, переплыв реку на малых судах. В этой крепости найден был огромный запас оружия и провианта. Взяв оттуда то, что было нужно каждому, победители предали все остальное пламени вместе с самой крепостью» [Аммиан Марцеллин, XXIV, 2, 9—22].

ОСАДА ПАРИЖА (885-886 гг.)

ОСАДА викингами Парижа (рис. 179) в 885—886 гг. — это самая значительная и наиболее полно описанная очевидцами осада периода раннего Средневековья. Осада была весьма активной, и обе стороны широко использовали различную осадную технику.

Париж в 885 г. представлял собой город, расположенный на острове и окруженный стенами. Остров Сите соединялся с правым и левым берегами Сены двумя мостами*. Мосты были деревянными, построенными на каменных сваях, и их защищали каменные башни, однако северная башня, строительство которой было начато еще в 870 г., к моменту осады так и не была закончена.

Армия викингов** под предводительством Зигфрида появилась перед Парижем 25 ноября 885 г. Они хотели проплыть дальше по Сене, но их движению мешали мосты. Они предложили парижанам пропустить их, но получили отказ. Зигфрид страшно разгневался и дал защитникам день на раздумья. На следующий день, не получив удовлетворительного ответа, викинги приступили к осаде. Сначала они попытались взять штурмом башню, защищавшую мост на правый берег. Однако, несмотря на то что башня была не достроена, защитникам удалось отбить все атаки, а за ночь они в спешном порядке надстроили башню.

На следующий день викинги опять повели атаку на эту башню. Сражение было кровопролитным. Осаждающие обстреливали башню из метательной машины. В ответ осажденные также отстреливались из метательных орудий, причем один болт из такой машины убил сразу семерых викингов, как бы насадив их на вертел, из-за чего кто-то из защитников предложил отнести этот вертел на кухню и сделать шашлык. Затем викинги попытались разрушить стену кирками, но защитники вылили им на голову жидкую горячую смесь из воска и смолы.

* Г. Дельбрюк [46, т. III, с. 56—58] полагает, что помимо укреплений на острове существовали еще и укрепленные предместья на правом и левом берегах Сены, которые также участвовали в обороне. Однако очевидец этих событий монах Аббо говорит исключительно об укреплениях на острове. Доводы же Г. Дельбрюка довольно слабые, а его гиперкритичность и недоверие к источникам хорошо известны. Поэтому в дальнейшем мы будем придерживаться более распространенной точки зрения, основанной на описаниях Аббо.

** Аббо сообщает, что армия викингов приплыла на 700 кораблях и ее численность достигала 40 000 человек. Г. Дельбрюк [46, т. III, с. 55] считает, что эти данные сильно завышены.

Рис. 179. Осада Парижа, 885—886 гг.

В конце концов викингам все же удалось пробить брешь, но франки столь яростно отбивались в проломе, что проникнуть внутрь осаждающим никак не удавалось. Тогда викинги свалили у ворот хворост и другие горючие материалы и подожгли. Густой дым окутал башню и ее защитников и скрыл их от глаз жителей города. В ответ парижане организовали вылазку и отогнали викингов от башни. Ночью башню спешно починили.

После трех дней безуспешных боев за башню викинги оставили попытки взять ее штурмом и занялись строительством укрепленного лагеря. Теперь викинги более основательно готовились к штурму. Пока одни строили осадную технику, другие совершали грабительские рейды вокруг Парижа.

Удивительно, но викинги полностью так и не блокировали город. Вероятно, их численность была не столь уж велика. Это объяснение кажется более правдоподобным, чем то, что викинги были настолько несведущи в военном искусстве, что просто не знали, как это сделать. Возможно также, что они не видели в этом необходимости, надеясь быстро взять город с помощью штурма. Как бы то ни было, осажденные получали провизию и немногочисленные подкрепления в течение всей осады.

Вскоре опять развернулись боевые действия. Викинги стали готовить почву для штурма с помощью осадной тех-

ники. Под прикрытием огня из осадной башни и деревянных мانتлетов, покрытых шкурами, осаждающие засыпали ров и подготовили насыпь для решающего штурма. Наконец начался и сам штурм. Викинги двинули на осажденных три таранные черепахи. Но защитники сбрасывали на них каменные глыбы и захватывали наконечники таранов, не позволяя им работать. После неудач с таранами викинги попытались поджечь мост. Наполнив три корабля деревом и соломой, викинги подожгли их и стали подтягивать брандеры с помощью канатов к мосту. Все заволокло дымом. Кроме того, и та, и другая стороны осыпали друг друга градом метательных снарядов. К счастью для парижан, брандеры сели на мель и сгорели, не причинив вреда мосту. Защитники совершили вылазку и захватили два тарана. Все штурмы викингов были отбиты.

Критический момент миновал, и викинги не предпринимали новых активных действий. Но однажды ночью мост, подмытый рекой, рухнул. Это воодушевило викингов на новую атаку. Против ворот изолированной теперь башни они направили телегу, груженную горючими материалами. Одновременно они обстреливали башню из метательных машин. На башне в момент разрушения моста находилось всего двенадцать защитников. Подкрепление из города они получить не могли, и викингам наконец удалось захватить башню, о которой они так долго мечтали.

В это время на помощь осажденным подошла франкская армия под предводительством герцога Генриха Саксонского и Карла Толстого. Сражение произошло недалеко от города, и викинги потерпели в нем поражение. Тем не менее они не ушли и продолжали осаду вплоть до сентября 886 г. Вероятно, победа франков была не столь уж ошеломляющей. В городе в это время от разложения непогребенных тел началась чума. Умер руководивший обороной епископ Гозелин. В сражении с викингам погиб и герцог Генрих Саксонский.

Викинги предприняли еще один штурм Парижа. Прямо с кораблей они приставили лестницы и попытались взобраться на стены города. Однако в ходе ожесточенного боя защитникам удалось отбросить штурмующих. Вскоре после этого викинги сняли наконец осаду, но сделали это

только после того, как Карл Толстый заключил с ними довольно унижительный мир, по которому он обязался заплатить им весьма крупную сумму денег и разрешил беспрепятственно разорять не признавшую его власти Бургундию.

ОСАДА АКРЫ (1189-1191 гг.)

ОСАДА Акры (рис. 180) крестоносцами, продолжавшаяся более двух лет, стала центральным событием Третьего Крестового похода. Осада интересна активным применением осадной техники (таранов, осадных башен, метательных машин) как с суши, так и с моря, а также широким использованием защитниками *греческого огня*.

Город Акра находился на берегу моря и был защищен с суши тремя линиями стены. Кроме того, в городе была хорошо укрепленная цитадель. На юге располагались две гавани, внутренняя и внешняя. Последняя была защищена молотом и сильной башней на его конце — Мушиной башней. Говорят, что свое название эта башня получила после того, как здесь была принесена жертва, и это привлекло рой мух.

Подойдя к Акре в 1189 г., армия крестоносцев под командованием иерусалимского короля Гвидо де Лузиньяна приступила к осаде. Первоначально у крестоносцев было слишком мало людей, чтобы окружить город, и не было флота, чтобы блокировать его с моря, однако король упорствовал и осада продолжалась. В то же время армию крестоносцев беспокоила армия Саладина, то и дело наносившая неожиданные удары в тыл. В связи с этим крестоносцы вынуждены были сильно укрепить свой лагерь.

Наконец они повели атаку с моря и с суши. Для штурма с моря на корабли поставили метательные машины и высокую осадную башню, покрытую шкурами. Целью атаки выбрали Мушиную башню. В ходе ожесточенной стычки защитникам с помощью греческого огня удалось сжечь осадную башню крестоносцев, а также немало кораблей. Стену возле Мушиной башни пытались штурмовать с помощью лестниц, установленных на кораблях, однако

Рис. 180. Акра во время осады ее крестоносцами, 1189—1191 гг.

осажденные разбили их, сбросив на них бревна. Атака с моря провалилась, впрочем, и на суше крестоносцам повезло не больше. Попытка штурмовать стены с помощью тарана тоже окончилась неудачей. На таран обрушился вал бревен, зажигательных стрел, смолы и греческого огня, и крестоносцам пришлось отступить.

Осада затягивалась, и новые крупномасштабные действия развернулись только тогда, когда к Акре подошли армии крестоносцев, сначала под предводительством французского короля Филиппа II Августа, а затем и английского короля Ричарда I Львиное Сердце. Первым делом осаждающие провели *контрвационную линию* от одного берега до другого. На море господствовали генуэзский и пизанский флоты, и осажденные теперь оказались полностью блокированы. Им предъявили ультиматум, предлагая сдать город в обмен на сохранение жизни и имущества, однако мусульмане отказались и приготовились ожесточенно сопротивляться.

Крестоносцы приступили к строительству осадной техники. Некоторые из машин были привезены Ричардом

Львиное Сердце с Сицилии и Кипра. Среди них была большая осадная башня под названием «Плохой сосед», которую теперь переименовали в «Плохого родственника». Крестоносцы соорудили три осадные башни, защищенные снаружи от метательных снарядов толстыми связками канатов, несколько таранов, один из которых был даже покрыт железяками листами, и множество метательных машин. Под прикрытием огня из последних крестоносцы стали придвигать к стенам осадные башни и тараны. По свидетельству мусульман, обычные зажигательные снаряды оказывались бесполезны против этих башен, хотя им и удалось уничтожить несколько метательных и других машин крестоносцев. Тогда объявился мусульманин из Дамаска, который заявил, что приготовит специальный рецепт *греческого огня* для сжигания осадных башен. Чем отличался его рецепт от более распространенных, мы не знаем, но он действительно оказался весьма действенным. В то время как крестоносцы уже праздновали победу и насмехались над сарацинами, на башни обрушились снаряды с греческим огнем, которые быстро превратили их вместе с находившимися в них крестоносцами в большие столбы огня. Мусульманину из Дамаска предложили большое вознаграждение, но он от него отказался, заявив, что действовал во имя Всевышнего.

Тогда крестоносцы обратились к другому средству — подземной войне. Было проведено несколько подкопов. Один из них обвалился раньше, чем требовалось. Саперы чуть не погибли, а образовавшаяся брешь оказалась незначительной. В другом месте осажденные провели контрподкоп и выбили крестоносцев. Тогда Ричард Львиное Сердце повел атаку на одну из башен с помощью подкопа и тарана. Ричард заявил, что будет платить две византины* за каждый выбитый из кладки камень, затем увеличил эту цену до трех и, наконец, до четырех византий. В итоге башня рухнула, подняв огромное облако пыли. Однако короли в это время обедали и наилучший момент для атаки был упущен. Защитники успели подготовиться. Когда крестоносцы пошли в атаку на брешь, на них обрушился

* Византийская золотая монета.

шквал метательных снарядов и греческого огня. Осажденные сражались храбро, и первая атака крестоносцев захлебнулась. Затем в бой пошли пизанцы, но и они были отброшены. Дело еще более осложнялось тем, что каждый раз, когда крестоносцы шли на штурм, жители начинали бить в барабаны, призывая армию Саладина, которая, хотя и не способна была полностью разбить крестоносцев, наносила неожиданные удары с тыла, причиняя осаждающим немалый урон.

Все атаки крестоносцев были отбиты. Тем не менее защитники Акры уже давно голодали, стены города во многих местах были разрушены, так что осажденные решили капитулировать, хотя некоторые предпочли броситься вниз со стены. Крестоносцы с криком и шумом заняли город, разместив свои штандарты на башнях. Город принял все предложенные условия капитуляции, однако на деле они оказались выше возможностей защитников. Последние не смогли выплатить обещанный выкуп и обратились за помощью к Саладину. Тот медлил с выдачей денег, и тогда Ричард Львиное Сердце совершил одну из самых больших жестокостей крестовых походов — он приказал казнить 2700 пленников.

ОСАДА КОНСТАНТИНОПОЛЯ (1453 г.)

ОСАДА турками Константинополя в 1453 г. представляет чрезвычайный интерес с двух точек зрения. Во-первых, эта осада (рис. 181) положила конец Византийской империи, во-вторых, что для нас особенно важно, это была первая крупная осада, в которой результат был достигнут исключительно с помощью разрушительной силы огнестрельной артиллерии. Более того, это одна из последних осад, в которых наряду с огнестрельной артиллерией еще использовались средневековые осадные машины.

Укрепления Константинополя, хотя и пришли к тому времени в некоторый упадок, все еще были одними из самых мощных в Европе. На самом мысу, у пролива Босфор, находился акрополь, окруженный древними стенами. От

Рис. 181. Осада Константинополя, 1453 г.

акрополя расходился Старый город, защищенный стенами со стороны суши и моря. Эти стены имели несколько линий обороны, и вдоль них располагалось более 500 башен. Кроме того, в местах соединения сухопутной стены с морскими находилось два самостоятельных укрепления: Влахерна, где был дворец императора, между стеной и заливом Золотой Рог, и Семибашенный замок, на другом конце сухопутной стены, рядом с морем.

Говорят, что турецкий султан Магомет II был настолько увлечен идеей захвата Константинополя, что, готовясь к осаде, даже по ночам призывал к себе людей, знакомых с укреплениями города, и чертил с ними планы Константинополя и его окрестностей. В 1452 г. специально для этой осады на европейском берегу Босфора, прямо напротив Константинополя, всего за четыре месяца была построена крепость Румели Хисар («Европейская крепость»). На азиатском берегу турки выстроили крепость еще при деде этого султана, Магомете I.

По свидетельству венецианского очевидца, турецкая армия располагала 82—92 боевыми кораблями, не считая транспортных судов, и состояла из 258 000 человек. Но главное, на что сделал ставку Магомет II, была огнестрельная артиллерия. Всего осадный обоз состоял из 200 орудий и машин. Из них первостепенное значение имели 12 орудий главного калибра, которые стреляли снарядами весом около 200 кг. Самым огромным орудием была бомбарда Базилика, которая имела длину около 12 м, весила 32 т и стреляла ядрами весом более полутонны. Орудие выстреливало каменные снаряды на расстояние около 1,5 км, и они зарывались в землю на глубину около 2 м. По сообщениям современников, звук выстрела из нее был слышен на расстоянии 50 км. Когда это чудовище испытывали, было выпущено специальное предупреждение для беременных женщин, чтобы избежать выкидышей. Кроме того, турки имели более 50 орудий меньшего калибра, стрелявших снарядами весом около 90 кг.

Большинство этих орудий было изготовлено венгерским мастером Урбаном. Урбан первоначально работал на византийцев, но после того, как те оказались не в состоянии заплатить за его работу, он перешел на службу к туркам. Последние не только предложили ему хорошие деньги, но и обеспечили всем необходимым для создания самых мощных огнестрельных орудий. Урбан дал обещание: «выпущенное из моей пушки ядро превратит в пыль не только эти стены, но даже стены Вавилона».

2 апреля 1453 г. султан распустил свое знамя перед воротами Константинополя, началась осада. Турки блокировали город с моря и с суши. Основным направлением атаки они выбрали сухопутные стены, особенно Романовские ворота. Здесь расположилась ставка султана, большая часть артиллерии и были сосредоточены корпуса янычар. Турки распределили орудия по 14 батареям, из которых девять предназначались в основном для устрашения, а остальные пять — для реального бреширования стен. Бомбардировка началась 6 апреля. С этого времени орудия стреляли непрерывно, и днем и ночью, вплоть до конца осады, делая 100—120 выстрелов в день, то есть примерно один выстрел каждые 10—15 мин. Как и мно-

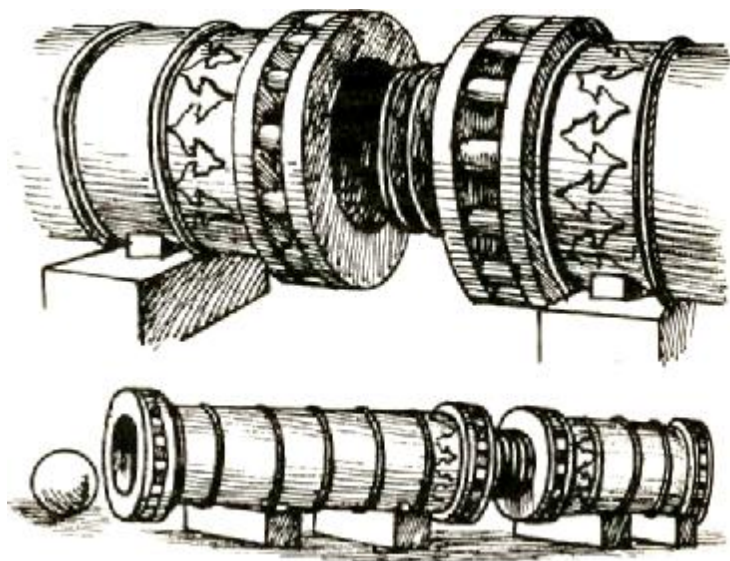

Рис. 182. Кованое турецкое орудие 1464 г., идентичное крупным бомбардам, которые применялись при осаде Константинополя в 1453 г.

Эти орудия делались из двух частей (ствол и каморы), которые соединялись с помощью резьбовой вставки. Маловероятно, чтобы их развинчивали каждый раз при перезарядке. Скорее они состояли из двух частей для удобства транспортировки

гие другие подобные орудия-монстры, Базилика показала себя не с лучшей стороны: на второй день осады на стволе появились трещины, и хотя его дополнительно скрепили обручами (орудие само по себе было кованым и состояло из железных обручей), оно вскоре вышло из строя. Однако остальные 11 орудий, имевшие средний калибр, успешно справились со своей задачей.

Для обороны города катастрофически не хватало защитников. Византийский гарнизон исчислялся всего 5000 человек. Количество наемников-иностранцев не превышало 2000. Особые надежды защитники возлагали на опытного воина, генуэзца Иоанна Джустиниани, прибывшего незадолго перед началом осады. Вся сухопутная стена была разделена на части, от одних ворот до других, и командо-

вание над каждой частью было вверено самым опытным военным. Кроме того, внутри города, у церкви святых Апостолов, поставили резерв из 700 человек, который должен был поспевать всюду, где требуется помощь. На военном совете решено было беречь силы, вылазок не делать и поражать неприятеля из-за стен.

После двух недель непрерывной бомбардировки туркам удалось пробить первую брешь. Защитники пытались установить на стены собственные орудия, чтобы обезвредить осадные батареи, но вскоре вынуждены были их убрать, так как отдача расшатывала древние стены, непригодные к установке орудий. Пока осаждающие заваливали ров, защитники быстро заделали брешь бревнами и бочками с землей. Ночью они расчистили ров.

18 апреля турки пошли на первый штурм. Построив деревянную осадную башню, с трех сторон обшитую железными листами, они под ее прикрытием засыпали ров. Однако защитникам удалось сжечь осадную башню и в результате кровопролитного боя отбить штурм. Тогда султан приказал вести подкопы. Их пробовали вести в разных направлениях, всего было проложено 14 минных галерей, но все они были обнаружены защитниками. Последние, проводя контргалереи, обрушивали все подкопы турок.

Пока шла подземная война, турки решили ввести свой флот в залив Золотой Рог, чтобы атаковать сразу с двух сторон — с суши и с моря. Вход в залив преграждала массивная цепь. Поэтому турки решили перетащить суда посуху мимо городских предместий. Был сделан специальный настил, по верху которого положили рельсы, смазанные жиром. Вся операция была осуществлена в одну ночь, и к утру около 80 турецких кораблей уже находилось в заливе.

Следующий штурм турки повели одновременно с суши и с залива. Защитники, зная, что их дела плохи, воззвали к последнему средству на войне — обратились с молитвами к Богу — и заняли свои места на стенах. Даже горожанки и монахини взяли в руки оружие. Ворота, через которые осуществлялось сообщение между разными линиями обороны, заперли, чтобы защитники на стенах не

надеялись на отступление. Штурм начался еще затемно, в 1.30, и сопровождался криками и визгом атакующих, что должно было утратить защитников. Султан Магомет организовал атаку в несколько волн, причем отборные войска он припас напоследок. Первая волна атакующих, целью которой было утомить защитников, состояла из плохо вооруженных нерегулярных войск. Более надежные войска стояли позади них с приказом убивать каждого, кто побежит. Первая волна достигла стен, но после двух часов безрезультатного боя так и не смогла ворваться в город и была отозвана назад.

С рассветом началась массированная бомбардировка. Артиллерия Урбана пробила значительную брешь в стене и сравняла с землей временные укрепления, которыми была заделана предыдущая брешь. В бой пошла вторая волна штурмующих. Войска ворвались в пролом, но были окружены и большей частью перебиты защитниками. Через два часа боя оставшиеся турецкие войска были отозваны. Опять последовала массированная бомбардировка.

После этого наступил решающий момент сражения — в бой пошли элитные войска, янычары. Магомет II лично возглавлял эту атаку до края рва. Возможно, византийцы отбили бы и этот последний штурм, но в это время случились два непонятных события, решающим образом сказавшиеся на обороне города. Руководивший обороной на этом опасном участке Джустиниани был ранен в ногу и по непонятной причине не только оставил свой пост, не передав командования, но и вообще покинул город, выйдя за ворота. Сам император просил его остаться, но он не стал его даже слушать. Высказывалось предположение, что Джустиниани, вообще известный своей храбростью и опытностью, был ранен кем-то из своих людей, что явилось результатом его ссоры накануне с одним из командующих. Тогда его уход еще как-то можно объяснить. Как бы то ни было, уход командующего сильно поколебал боевой дух защитников.

К этому добавилось еще и второе событие, ставшее результатом то ли грубейшей ошибки, то ли предательства. Дело в том, что для отражения штурма защитники сделали вылазку из неподалеку от этого места распо-

женных ворот и по непонятной причине оставили ворота открытыми. Турки обнаружили это и ворвались в город. Уход командующего и появление отряда турок в тылу сломило боевой дух защитников, и они отступили с укреплениями. Это стало концом организованного сопротивления, хотя отдельные отряды под командованием византийских и итальянских офицеров и даже самого императора еще некоторое время сражались на улицах города. К полудню город пал. Император и 4000 защитников погибли. Джустиниани избежал резни и умер от раны в ногу через неделю после падения Константинополя.

Магомет II по традиции отдал город на разграбление на три дня. После этого мародерство было прекращено. Султан приказал разыскать труп императора и отдать его христианам для подобающего императорскому сану погребения. Был издан указ, что все, кто укрывался до этого времени в потаенных местах, могут выйти и их никто не тронет. Кроме того, всем, оставившим город во время осады, разрешалось вернуться в свои дома, сохранить веру и имущество. Несколько позднее султан разрешил избрать христианского патриарха и епископов. Они могли открыто справлять службы и даже не платили в казну никаких налогов и податей. Завидная веротерпимость! Особенно если сравнить ее с действиями крестоносцев в захваченных мусульманских городах.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

1. **Аммиан Марцелин.** Римская история. СПб.: Алетея, 2000.
2. **Аноним Византийский.** Инструкции по полиоркетике // Греческие полиоркетики. Вегетий. СПб.: Алетея, 1996.
3. **Аполлодор.** Полиоркетика // Греческие полиоркетики. Вегетий. СПб.: Алетея, 1996.
4. **Аппиан.** Гражданские войны. Л.: ОГИЗ, Соцэкгиз, 1935.
5. **Арриан.** Поход Александра. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962.
6. **Афиней Механик.** О машинах // Греческие полиоркетики. Вегетий. СПб.: Алетея, 1996.
7. **Библия.** М.: Протестант, 1991.
8. **Витрувий Марк Поллион.** Десять книг об архитектуре. Л.: ГАИМК, Соцэкгиз, 1936.
9. **Геродот.** История. М.: Ладомир — АСТ, 1999.
10. **Гомер.** Илиада. М.: Правда, 1985.
11. **Гомер.** Одиссея. М.: Правда, 1985.
12. **Диодор Сицилийский.** Историческая библиотека: Греческая мифология. М.: Лабиринт, 2002.
13. **Иордан.** О происхождении и деяниях гетов (Getica). СПб.: Алетея, 2001.
14. **Иосиф Флавий.** Иудейская война. Харьков; М.: Фолио — АСТ, 2000.
15. **Квинт Курций Руф.** История Александра Македонского. М.: Изд-во МГУ, 1993.
16. **Корнелий Тацит.** Анналы. СПб., 1993.
17. **Корнелий Тацит.** История. СПб., 1993.
18. **Ксенофонт.** Греческая история. СПб.: Алетея, 2000.
19. О боевом сопровождении (De velitatione bellica) // Два византийских военных трактата конца X века. СПб.: Алетея, 2002.
20. Об устройстве лагеря (De castrametatione) // Два византийских военных трактата конца X века. СПб.: Алетея, 2002.
21. **Плутарх.** Сравнительные жизнеописания: В 3 т. СПб.: Кристалл, 2001.
22. **Полибий.** Всеобщая история. СПб.: Наука — Ювента, 1994—1995.
23. **Полиэн.** Стратегемы. СПб.: Евразия, 2002.
24. **Прокопий Кесарийский.** Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. СПб.: Алетея, 2001.
25. **Прокопий Кесарийский.** Война с готами. М.: Изд-во АН СССР, 1950.
26. **Псевдо-Маврикий.** Стратегикон // Искусство войны. СПб.: Амфора, 2000.
27. **Секст Юлий Фронтин.** Военные хитрости (стратегемы). СПб.: Алетея, 1996.

28. **Тит Ливий.** История Рима от основания города: В 3 т. М.: Ладомир, 2002.
29. **Флавий Вегетий Ренат.** Краткое изложение военного дела // Греческие полиоркетики. Вегетий. СПб.: Алетея, 1996.
30. **Фукидид.** История. М.: Ладомир — АСТ, 1999.
31. **Эней Тактик.** Трактат о перенесении осады // ВДИ. 1965. № 1 С. 258—268; № 2. С. 217—243.
32. **Юлий Цезарь.** Записки о галльской войне. СПб.: Азбука, 1998.
33. **Biton.** Construction of War Engines and Artillery // E. W. Marsden. Greek and Roman Artillery. Technical Treatises Oxford, 1999.
34. **Heron.** Belopoeica // E. W. Marsden. Greek and Roman Artillery. Technical Treatises. Oxford, 1999.
35. **Heron.** Cheiromballistra // E. W. Marsden. Greek and Roman Artillery. Technical Treatises. Oxford, 1999.
36. **Mariano Taccola.** Machines et Stratagemes de Taccola, Ingenieur de la Renaissance // E. Knobloch. L'Art de la Guerre. Paris, 1992.
37. **Philon.** Belopoeica // E. W. Marsden. Greek and Roman Artillery. Technical Treatises. Oxford, 1999.
38. **Philon.** Poliorketika // A. W. Lawrence. Greek Aims in Fortification. Oxford, 1979.

ЛИТЕРАТУРА

39. **Авдиев В. И.** Военная история Древнего Египта. Т. I. М., 1948.
40. **Авдиев В. И.** Военная история Древнего Египта. Т. II. М., 1959.
41. **Арендт В. В.** Греческий огонь // Труды института истории науки и техники. Сер. I. Вып. 9. М.; Л., 1936. С. 151—204.
42. **Бехайм В.** Энциклопедия оружия / Пер. с нем. СПб., 1995.
43. **Белоусов С.В.** Об осаде и обороне крепостей в военном деле германцев IV—VI вв. // Античность и средневековые Европы. Пермь, 1996.
44. **Вейс Г.** История цивилизации. Темные века и Средневековье, IV—XIV вв. / Пер. с нем. Т. 2. М., 1999.
45. **Велишский Ф.** История цивилизации. Быт и нравы древних греков и римлян / Пер. с чеш. М., 2000.
46. **Дельбрюк Г.** История военного искусства в рамках политической истории / Пер. с нем. в 4 т. СПб., 2001.
47. **Дюпон Р.Э., Дропон Т. Н.** Всемирная история войн. Т. 1 и 2 / Пер. с англ. М.; СПб., 1997.
48. История Древнего Востока / Под ред. В. И. Кузищина. М. 1979.
49. История Средних веков / Сост. М. М. Стасюлевич. М/ СПб 1999.
50. **Кирпичников А. Н.** История античной и раннесредневековой метательной техники в книге А. Брун-Хоффмейер «Античная артиллерия» // Сборник исследований и материалов артиллерийского исторического музея. Вып. IV. Л., 1959. С. 341—346.

51. **Кирпичников А. Н.** Метательная артиллерия Древней Руси / Материалы и исследования по археологии СССР. № 77. М., 1958. С. 7—51.
52. **Козленке А. В.** Военная история античности. Минск, 2001.
53. Конноли П. Греция и Рим, энциклопедия военной истории / Пер. с англ. М., 2000.
54. **Контамин Ф.** Война в Средние века / Пер. с франц. СПб., 2001.
55. Кучма В. В. Военная организация Византийской империи. СПб., 2001.
56. **Ле Боэк Я.** Римская армия эпохи ранней империи / Пер. с франц. М., 2001.
57. **Львовский П. Д.** Основания устройства метательных машин. Невробаллисты // Сборник исследований и материалов артиллерийского исторического музея. Вып. I. Л.; М., 1940. С. 26—54.
58. Матюшин Г. Н. Археологический словарь. М., 1996.
59. **Нефёдкин А. К.** Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI—I вв. до н.э.). СПб., 2001.
60. **Носов К. С.** Замки и крепости Индии, Китая и Японии. М., 2001.
61. **Носов К. С.** Русские крепости и осадная техника VIII—XVI вв. СПб., 2003.
62. **Рыжов К. В.** Все монархи мира. Древний Восток. М., 2001.
63. Сто великих битв. М., 1999.
64. **Функен Ф., Функен Л.** Средние века. VII—XV века: Доспехи и вооружение — Крепости и осадные машины — Рыцарские турниры и гербы / Пер. с франц. М., 2002.
65. **Шокарев Ю. В.** История оружия: Артиллерия. М., 2001.
66. Эллинистическая техника // Сборник статей под ред. акад. И. И. Толстого. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
67. **Яковлев В. В.** История крепостей. М.; СПб., 2000.
68. **Bradbury J.** The Medieval Siege. Woodbridge, 1992.
69. **Buttery A.** Armies and Enemies of Ancient Egypt and Assyria. Goring-by-Sea, 1974.
70. **Duffy C.** Siege Warfare, The Fortress in the Early Modern World 1494—1660. London; New York, 1997.
71. **Ferrill A.** The origins of War, From the stone age to Alexander the Great. London, 1986.
72. **Gravet C, Hook R., Hook C.** Medieval Siege Warfare. London, 1990.
73. **Griffith P.** The Viking Art of War. London; Mechanicsburg, 1995.
74. **Guhl E., Koner W.** The Romans. Their Life and Customs. Twickenham, 1994.
75. **Heath I.** Annies of the Dark Ages 600—1066. Goring-by-Sea, 1976.
76. **Heath I., Mc.Bride A.** Byzantine Annies 1118—1461. Oxford, 1995.
77. **Jurga R. M.** Machinery wojenne. Krakow; Warszawa, 1995.
78. **Lawrence A. W.** Greek Aims in Fortification. Oxford, 1979.
79. **Liebel J.** Springalds and Great Crossbows. Leeds, 1998.
80. **Kaufmann J. E., Kaufmann H. W.** The Medieval Fortress. London, 2001.
81. **Kemp P.** The History of Ships. London, 1978.
82. **Kern P. B.** Ancient Siege Warfare. London, 1999.
83. **MacDowall S., Embleton G.** Late Roman Infantryman, 236—565 AD. Oxford, 1994.
84. **Marsden E. W.** Greek and Roman Artillery. Historical Development. Oxford, 1999.
85. **Marsden E. W.** Greek and Roman Artillery. Technical Treatises. Oxford, 1999.
86. Medieval Warfare. A History. Oxford: ed. by Maurice Keen, 1999.
87. **Mursia U.** Storia delle armi. Milano, 1964.
- 88. **Nicolle D.** Arms and Armour of the Crusading Era, 1050—1350. London; Mechanicsburg, 1999.
89. **Nicolle D.** French Armies of the Hundred Years War. Oxford, 2000.
90. **Nicolle D.** Medieval Warfare, SOURCE BOOK. Vol. 1: Warfare in Western Christendom. London, 1995.
91. **Oman C.** The Art of War in the Middle Ages. Vol. 1, 378—1278 AD. London; Mechanicsburg, 1998.
92. **Oman C.** The Art of War in the Middle Ages. Vol. 2, 1278—1485 AD. London; Mechanicsburg, 1998.
93. **Payne-Gallwey R.** The Book of the Crossbow. New York, 1995.
94. **Prestwich M.** Armies and Warfare in the Middle Ages, The English Experience. New Haven; London, 1996.
95. **Schramm E.** Die antiken Geschütze der Saalburg. Berlin, 1918.
96. **Sekunda N., Hook A.** Greek Hoplite, 480—323 BC. Oxford, 2000.
97. **Shaw I.** Egyptian Warfare and Weapons. Princes Risborough, 1991.
98. **Smith R. D.** The reconstruction and firing trials of a replica of a 14th-century cannon // Royal Armories Yearbook. Vol. 4. 1999. P. 86—94.
99. **Soedel W., Foley V.** Ancient Catapults // Scientific American. March. 1979.
100. **Stone G.C.** A Glossary of the Construction, Decoration and Use of ARMS AND ARMOR in all Countries and in All Times. New York, 1999.
101. **Toy S.** Castles, Their Constructions and History. New York, 1985.
102. **Wagner E.** European Weapons and Warfare 1618—1648. London, 1979.
103. **Warry J.** Warfare in the Classical World. An illustrated encyclopedia of weapons, warriors and warfare in the ancient civilisations of Greece and Rome. London, 1995.
104. **Wise T.** Medieval Warfare. London, 1976.
105. **Yadin Y.** The Art of Warfare in Biblical Lands. London, 1963.

Оглавление

Введение	4
Глава I. История осадного искусства.....	5
Древний Египет	6
Древняя Иудея	10
Ассирия	13
Персия	24
Греция.....	27
Рим	44
Галлы и германцы	55
Византия.....	59
Средневековая Европа	62
Глава II. Осадная техника.....	77
Штурмовые лестницы	78
Подвижные прикрытия	86
Тараны	99
Буравы.....	110
Осадные башни.....	115
Самбука	131
Насыпь.....	133
Подкоп.....	136
Метательные машины	145
Огневые средства в осадной войне.....	207
Огнестрельная артиллерия.Г.....	221
Прочие осадные приспособления.....	242
Глава III. Методы осады и обороны	253
Методы осады	253
Методы обороны	261
Военные хитрости (стратагемы)	271
Глава IV. Знаменитые осады	279
Осада Платеи (429—427 гг. до н.э.).....	279
Осада Тира (332 г. до н.э.).....	284
Осада Родоса (304—305 гг. до н.э.).....	296
Осада Сиракуз (213—211 гг. до н.э.).....	299
Осада Амбракии(189г. до н.э.).....	306
Осада Аварики(52г. до н.э.)	310
Осада Алезии (52 г. до н.э.)	315
Осада Иотапаты(67 г. н.э.)	325
Осада Амиды (359 г. н.э.).....	340
Осада Пирисаборы (363 г. н.э.)	347
Осада Парижа (8.85—886 гг.).....	350
Осада Акры (1189—1191 гг.)	354
Осада Константинополя (1453 г.).....	357
Библиография	364